

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОЧ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

"С ЛЮДЬМИ ВСТУПИТЬ В РОДСТВО..."

Шуламит ШАЛИТ

*"Не шибко нас нежили:
Жили, служили.
И более не жили,
Нежели жили".
Ю.Нейман.
Эпитафия поколению. 1970*

Всю жизнь стихи читала, стихи писала, стихами спасалась, стихами жила. Но печатно выразится так: "На судьбу я сетовать не вправе: Мне она отпущена сполна. Под густыми ветками бесславья Самопостыжения тишина. Типографские тугие знаки Не теснили вас, мечты мои. Со стихами не в законном браке жизнь я провела, а по любви". А в телефонном разговоре в 1992 году более приземленно: "существовала я, главным образом, с помощью переводов... Тоска какая...". Потом рассмеялась: "Но оказалось, что переводы - все-таки половина моей души!"

Мне уже доводилось рассказывать, как Цви Арад, лауреат очень престижной в Израиле премии Ш.Черниховского, присужденной ему за переводы на иврит классиков мировой литературы, обратился ко мне однажды с несколько неожиданной просьбой: достать ему диккенсовские "Записки Пиквикского клуба" в русском переводе, ибо он приступает к переводу романа на иврит. Зная, что Цви Арад переводит с шести языков, в том числе и с английского, я не удержалась от вопроса, неужели он собирается переводить Диккенса с русского? Он объяснил, что русский перевод нужен ему для ориентации: пусть книга всегда будет под рукой - вдруг слова не хватит, выражения или... интонации. "А лучших переводов, чем переводы на русский, просто нет", - добавил он. Вот к этому клану - лучших в ми-

Юлия Нейман (1907-1994)

Юлия Нейман. Фото Б.Погреб

ре переводчиков на русский - относилась и Юлия Нейман. Фразу Арсения Тарковского "Заткнули поэтам рты и радуются, что у нас возникла перво-классная переводческая школа!" - я услышала позднее.

Удивляет же в Юлии Нейман, как и в ближнем круге ее друзей и соратников по жизни и творческим судьбам Семене Липкине, Арсении Тарковском, Марии Петровых, другое, их главная тайна: как они при поденной, редко любовной, чаще изматывающей, а порой почти каторжной переводческой работе сохранили высокую пробу собственного литературного творчества?

Юлия Моисеевна, если слушать ее внимательно и произносить за ней текст не по-актерски, а по-ахматовски, голосом ровным, несколько отстраненным, многое сказала о своем времени и судьбах тех поэтов, которые десятилетиями писали в стол: "Когда же светоч юности потух, Мы все ж не утратили прежних

качеств, И в темноте мы сохранили зрячесть, И в оголтелом гвалте - верный слух. Молчалиники - не воины отнюдь! - Не до конца мы поддались растленью. Мы были - то глухое противленье, Какое правде облегчает путь". Первые сборники стихотворений талантливейших людей были изданы: Тарковского - в 55 лет, Липкина - в 56, Петровых - в 60, Юлии Нейман - в 67 лет! Так что иногда сквозь звук, казалось бы, приглушенный, прорывается у Юлии Нейман крик, крик отчаянный, внимать больно: "О камень разможу. Порву в клочки. Как сорную траву, из сердца вырву. С мясом выжгу. Силком втащу тебя на вышку, Чтоб сбросить вниз, на острия!" (О ком это - о мужчине, что обманул? О желании мести за предательство, измену?) Нет, горше и печальней... "Как только б не казнила я Тебя, лжежизнь моя, лжемилость, За то, что жизнью притворилась!" Много ли ее современников позволили себе такое признание? И как сказано! Ахматова произнесла: "Как будто крепкой водки выпила!" Ей очень нравились и другие стихи: "Такие странности во сне мне видятся впервые. Мне снилось, будто я в стране, Где все как есть кривые: Кривые улицы идут, кривые под руки ведут, Как в святочных рассказах Красоток одноглазых..." И в конце: "...Кривые кинулись ко мне И странно стало мне во сне - Вот вот я окривею, Проснуться бы скорее!..." Ох, как трудно было сохранить свою душу живу... А и только ли душу?

Написанную в 1939-м году "Дорогу на Колыму" прятала годами, и никто не знал о ней: "Я видела, как по тракту ползут погребальные дроги..." И этого было достаточно... В 1956 году в альманахе "Литературная Москва" (Нейман - мне: по недосмотру!) опубликовали ее стихотворение "1941", атмосфера начала войны: "Москва тех дней... Крутой накат событий. Не счесть всех бед, не счесть невзгод. Но, сверстники, душою не кривите: Он был как факел - чистый этот год!..." Что же он высветил, этот факел? - "Мы увидели ближних без личин"... И "впервые пережили чувство гордого гражданства". Это бы все ничего, но были там две идеологически вредные строчки, которые ей не простили и за которые не печатали 20 лет: "Тот год - разрядка в затхлой атмосфере, Где ложь гнездилась с гнилью пополам..." А обнаружив она то, что писала в 1939-м, а эту вот "ложь с гнилью" чуть пораньше, в 1952-м, например? Но 20 лет?..

Я познакомилась со стихами Юлии Нейман уже в зрелом возрасте, а вот о том, что она великолепный переводчик, знала давно - пожалуй, еще с юности, когда впервые прочла ее переводы с еврейского в сборнике Самуила Галкина (книга вышла в 1958-м, но я держала сборник в руках чуть позже). Нейман открывала и открыла русскому читателю, иногда заново, а чаще впервые, немало поэтических имен. Начиная с Райнера Марии Рильке (с немецкого), Яна Райниса (с латышского)... Когда "позволяли" и печатали, переводила еврейских поэтов - С. Галкина, М.Грубияна, И.Борисова (Боруховича), А.Гонтаря и других. Когда не печатали евреев, переводила стихи представителей других нацменьшинств, населяющих Россию, Среднюю Азию, Кавказ и Закавказье, благо их было много. Поэт Семен Липкин, вспоминая о первой встрече с Юлией и чтении ее стихов, писал, что его "сверхожидания поразила лирика

Окончание на стр. 14

Белла КЕРДМАН

Они мои земляки, одесситы. И 16 октября 1941 года, когда румынские войска вошли в город, мальчику Янкале Верховскому было 10 лет, а девочке Ролли (так звали тогда Валентину) - только пять. Почти все 900 дней оккупации эти дети провели в ставшей столицей Транснистрии Одессе, буквально на грани гибели. И только по стечению невероятных случайностей избежали участи 40 тысяч еврейских детей, нашедших мученическую смерть в нашем городе.

В начале 90-х, опять-таки по стечению обстоятельств, эти двое из Одессы, чудом спасшиеся от гибели, находят друг друга в совсем другом месте жительства - в еврейской стране Израиле. И выясняется, что старый фильм ужасов, не дававший каждому спать по ночам, у них общий. И тогда главным делом для Якова и Валентины становятся книги, которые они пишут сообща. Не полагаясь на детскую память, обращаются к исторической, мемуарной литературе, архивным документам. Список использованных ими источников насчитывает сотни, если не тысячи единиц!

Если документы - только в оригинале, если копия - только снятая лично ими; свидетельства - только от первого лица. Никаких "говорящих", "рассказывающих", "мне кажется". Я видела в их доме стеллажи от пола до потолка заполненные специальной литературой, папками с газетными вырезками, документами, письмами - все это на разных языках - русском, украинском, румынском, немецком, английском.

Воронка углублялась и расширялась. И явственно обозначилась вся механика запуска кровавой бойни, унесшей миллионы жизней. Детские воспоминания двух далеко не молодых уже людей обретали мощный аргументированный документами и прямыми свидетельствами исторический фундамент.

Первой появилась 600-страничная, солидно изданная московским издательством "Олма-Пресс" в 2005 году, книга "Сталин. Тайный сценарий начала войны". Валентина ТЫРМОС и Яков ВЕРХОВСКИЙ пришли к своей, отличной и от "традиционной", и от "суворовской" версии. Они убеждены, что Сталин, этот великий лидер, вовсе не сомневался в разведданных. Он только делал вид, что им не верит! Это был блеф, продуманный и спланированный, - он хотел, чтобы Гитлер напал первым, и тогда он, Сталин - жертва агрессии, на его стороне миролюбивое человечество, он обретает мощных союзников!

Так исследования фона, на котором взбухала треклятая та война, обстоятельств, при которых стало возможным уничтожение миллионов людей только за то, что они - евреи, побудили отложить на время детские воспоминания. На первый план вышла другая книга, где по дням и часам, со ссылками на документы, изложены предвоенные действия на историческом театре мира. Эта книга вызвала се-

ТАК ЭТО БЫЛО. ТАМ И ТОГДА

Девочка Ролли ТЫРМОС - там и тогда

Мальчик Янкале Верховский - снимок с его поддельного документа

рьезный интерес историков и политиков, привлекла широкий круг читателей, ее до сих пор обсуждают в Интернете, о ней спорят.

В 2009 году в Тель-Авиве у авторов выходит вторая книга: "Жизнь, поставленная на перфокарту". Занесение данных конкретных евреев на перфокарты было виртуальной селекцией, предваряющей реальную. В Германии тогда, когда готовилось "окончательное решение", были вычислительные машины? - удивилась я. Были, оказывается. Там уже действовал один из филиалов выпускавшей эту технику американской корпорации IBM. И глава корпорации, магнат Томас Дж. Уотсон, ставший личным другом Гитлера, получил от него высочайшую награду Рейха - Орден заслуг Германского Орла. Как известно теперь, не менее ста американских компаний сотрудничали с нацистской Германией, в их числе "Дженерал моторс", "Форд", "Крайслер" и пр. Однако первым получил этот орден Уотсон. Он его "заслужил" - цитирую авторов книги: "Не нужно думать, что селекция евреев началась в лагерях смерти. Нет, самая роковая селекция началась... ранней весной 1933-го. С помощью щелкающих перфораторов. Без идентификации и селекции евреев невозможно было бы их уничтожить...".

И вот недавно в Интернете появилось сообщение Генерального директора харьковского издательства "Фолио" Александра Красовицкого: "Одесса времен второй мировой. В июне в "Фолио" выходит книга Якова Верховского и Валентины ТЫРМОС "Город Антонеску". Они были детьми во время этих страшных дней. Почти 800 страниц рассказа об истории Одессы тех лет. Одна из жемужин нашей программы 2017 года".

Итак, появился событийный повод

для актуального интервью с авторами. Предпочтительно виртуального - для оперативности.

Белла КЕРДМАН. Я поздравляю вас, Валя и Яша, с выходом в свет главной, как понимаю, книги из задуманной вами серии разоблачений "решателей еврейского вопроса". Среди них, как со временем становится все яснее, не только Гитлер и его команда. Когда вышла ваша первая книга - "Сталин...", вы говорили, что она - первая часть трилогии. Второй была "Жизнь, поставленная на перфокарту" - небольшая по объему, но очень важная для понимания обстановки в мире, на фоне которой стал возможен Холокост: как отнеслись к "решению еврейского вопроса" Гитлером другие страны, в том числе союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Кстати, американский юрист, не еврей, Тони Танаки подготовил сейчас иск против Великобритании по обвинению в пассивном содействии нацистам в уничтожении евреев - на основании документов, которые, наконец, рассекретили. "Город Антонеску", она - сама по себе, или, считаете, все три связаны между собой?

И почему вы назвали так, как назвали, в этой своей книге наш город, да и саму книгу?

Валентина ТЫРМОС и Яков ВЕРХОВСКИЙ. Назвали, поскольку то, что там и тогда происходило, не могло произойти в нашей Одессе. Такое могло случиться в городе, ставшем монстром, чудовищем, "Городом Антонеску".

Вы спрашиваете, как эта книга стала для нас главной и связана ли она с первыми двумя. Связана, конечно. Но это не продолжение тех книг, она не случайно стала главной - это книга нашей жизни. Все, пережитое в детстве в "Городе

Антонеску" - как лента старого черно-белого кино, всю нашу жизнь плыло перед глазами. Мы видели себя на этих "кадрах" маленькими, оборванными, голодными, и слышали окрики убийц и лай собак. И видели лужи крови, и видели повешенных, замученных, забитых. И чувствовали тот давний, леденящий душу, ужас.

В какой-то момент стали записывать эти срезы детской памяти. Трудно даже сказать, зачем. Мы тогда, конечно, не думали о написании книги. Записывали просто так, не стараясь что-либо утаить или приукрасить, не боясь погрешить перед принятой "исторической правдой". В те дни, по правде сказать, и не зная, в чем она заключается.

Впоследствии, в процессе 20-летней работы в архивах, после выхода в свет двух исторических книг, мы вдруг "вернулись в детство" и вспомнили о хранящихся где-то у нас "детских записках". Мы называем их не "воспоминаниями", а "детскими рассказами", потому что это действительно рассказы детей - "здесь и сейчас" - страшная действительность, увиденная детскими глазами.

Напечатанные на пишущей машинке, пожелтевшие от времени, те листки выглядели непривычно для наших "компьютерных" дней, но мы отнеслись к ним с любовью. Оставили, как есть, ничего не поправляя, не добавляя накопленного нами за годы взросления, свободными от всей архивной и прочей исторической "шелухи".

Вы обратили внимание, Белла, что эти рассказы часто даже опровергают очевидные факты? Но именно в этом их сила. Наивные и порой смешные рассказы "От Ролли" и "От Янкале" стали основой книги "Город Антонеску". Создавая контраст с ужасом происходящих реалий, они подчеркивают этот ужас.

Б.К. Я не раз слышала в Одессе, в том числе и от одной моей близкой знакомой, что румыны-де были терпимее немцев к местному населению, толерантнее. Более того, при них жизнь была ай-люли, не то, что при Советах. Это говорили, разумеется, не евреи. Когда я вернулась из сибирской эвакуации в декабре 56-го года, - 15 лет прошло в Сибири, там окончила школу, университет, отработала три года в газете, - пришлось заново обзаводиться знакомыми и друзьями. Никого из еврейских соседей довоенного двора по ул. Манежной, 26 я не нашла. Никого из соучеников-евреев из своей школы № 38 - тоже. И вообще вы, Валя и Яша, стали первыми моими знакомыми-одесситами, жившими в нашем городе во время оккупации. При "толерантных" румынах. Ставили ли вы перед собой задачу развенчать этот подлый миф? Удалось ли это вам, как считаете? Возможно, у вас есть статистика: сколько евреев уничтожили в Одессе румыны?

В.Т., Я.В. А знаете, Белла, ваша знакомая права: румыны действительно были толерантны к местному населению. Более того, в "Городе Антонеску" возник некий симбиоз оккупантов с оккупированными

(исключительно теми из них, кому повезло не родиться евреями). И даже образовалась некая их совместная "новая одесская элита".

О трагедии евреев Одессы мы еще поговорим. А вот остальные действительно попали в сказку. Говорят, что море в Одессе никогда еще не было таким синим, солнце - таким ласковым, а помидоры - такими красными, как "при румунах".

Посмотрим на эту "картину маслом". Из 600 тысяч жителей Одессы свыше 450 тысяч каким-то образом "исчезли" - ушли на фронт, эвакуировались или же были уничтожены. В "Городе Антонеску" осталось всего 140 тысяч. И этим оставшимся досталось все: квартиры, мебель, ковры, картины, хрусталь и фамильное серебро. Золотой дождь пролился на их головы, было от чего потерять рассудок.

Особенный интерес вызывали "бесхозные" квартиры. Даже оставшиеся в городе наши врачи, гордость Одессы, не гнушались захватом квартир. Так, профессор Коровицкий переехал на Коблевскую, 29, профессор Живатов - на Ланжероновскую, 19, профессор Шевалев - на Гоголя, 19, а доцент Сосюра - на Коблевскую, 42. Все они, конечно, немедленно возобновили прием больных. Приватный, разумеется.

Почти одновременно в городе открылось 13 комиссионных магазинов, 34 парикмахерских и бесчисленное множество ресторанов и так называемых "бодег" - пивнушек и рюмочных. А еще - две гостиницы для поваливших из Бухареста спекулянтов и восемь заезжих дворов для потянувшихся в город крестьян с различными продуктами. А еще - театры, кинотеатры, ночные клубы и, конечно, бордели различных уровней. Всего и не перечислить. Жизнь потекла сытая и веселая, загурлила "молоком и медом".

Теперь о евреях. Нет ничего удивительного, Белла, что, вернувшись в Одессу из эвакуации, вы не встретили здесь своих довоенных соседей и соучеников. Их там уже не было. Их вообще больше не было. Нигде. В Одессе, где с самого ее основания, со времен Хосе де Рибаса и дюка де Ришелье, евреи составляли треть населения, их не стало совсем.

За первые пять месяцев оккупации палач Антонеску сумел доказать на деле, что "окончательное решение еврейского вопроса" осуществимо. Все оставшиеся в Одессе евреи, около 155 тысяч, были уничтожены - повешены, расстреляны, сожжены. Эта страшная цифра исчислена и озвучена в нашей книге впервые.

После освобождения, в апреле 1944-го Одессу посетил корреспондент агентства BBC Александр Верт. Английский журналист был поражен, он пишет: "...это была уже не та Одесса, какую мы знали. Это была Одесса без евреев".

Удалось ли нам развенчать подлый миф о "толерантных" румынах, будут судить читатели книги "Город Антонеску".

Б.К. Эта одесская "новая элита" занимала уже "бесхозные" квартиры. Но перед тем "добрые соседи" позаботились, вероятно, об освобождении вожделенной "жилплощади" от ее хозяев-евреев.

Сохранились ли в одесских архивах имена доносчиков, тексты "телег", как называют доносы на новоязе? Есть ли у вас оригиналы таких документов?

И второй вопрос. Светлой памяти еврейский писатель Михаил Лев, прошедший войну, немецкий плен и побег в партизаны, однажды мне сказал: "Запомните, ни один еврей не мог выжить во времена оккупации без помощи местных "титული" национальности. Кто-то спрятал, рискуя своей жизнью, кто-то поделился куском хлеба, а кто-то просто показал дорогу в безопасное место". Я запомнила. А вы, Валя и Яша, помните таких праведников?

В.Т. Сначала ответим на ваш второй вопрос, сугубо для нас важный. Разумеется, мы всю жизнь помним тех, кто нас, еврейских детей, спасал в оккупированной Одессе! Я расскажу о Харитоновых. У моего отца Изи, был друг Тимофей Харитонов, для меня, девочки Ролли, дядя Тима. Возможно, они познакомились на студенческой скамье инженерно-строительного института, а возможно, что и раньше, и что друг Изи привел Тиму в институт и помогал ему во время учебы. А может, наоборот - толковый и усидчивый Тима тащил за собой легкомысленного ловеласа Изю. Вместе получили они инженерные дипломы и вместе начали свой трудовой путь. Не разошлись друзья и тогда, когда неожиданно тяжелая болезнь сердца (как говорили тогда, "грудная жаба"), лишила Тиму возможности нормально жить и работать. Тимофей, как сел в кресло (по дому он, думаю, все же ходил), так и просидел 38 лет, до самой своей кончины. И все эти годы мой папа Изи поддерживал друга и терпеливо носил ему работу на дом.

Харитоновы - Тимофей и его жена Нина - проживали в доме на углу улиц Пушкинской и Троицкой. Из подъезда довольно крутой лестничный марш вел на застекленную веранду, а оттуда - в их небольшую, зато отдельную, без соседей квартирку. В этом доме эти люди не раз укрывали нашу семью или меня, Ролли, когда папа и мама были арестованы или скрывались в другом месте.

Сразу после войны дядя Тима отправил Эрэнбургу письмо - целый пакет документов, разоблачающих "толерантных" оккупантов. В нем были собраны все номера газет, выпускаемых муниципалитетом города в ту пору. И, цитирую дядю Тиму: "...все приказы, касающиеся несчастных евреев, и среди них приказы о том, что каждый, давший приют еврею или спрятавший его, будет расстрелян на месте вместе с этим евреем...". Но ни слова не написал человек о том, что, читая такие приказы, он, тем не менее, давал приют евреям, что, не считаясь с прямой опасностью для жизни, спасал семью своего друга Изи. Мы с Яшей нашли письмо Тимофея Харитонova среди документов мемориала "Яд ва-Шем" (это была копия, на пишущей машинке, дядя Тима свое письмо наверняка писал от руки).

Я.В. В борьбе за выживание были случаи, когда нашим родителям помогали русские, украинцы и, как это ни парадоксально, этнические немцы и румыны.

Вместе с тем, к сожалению, это является исключением. А исключение только подтверждает правило. Известно ведь, что в уничтожении евреев принимало участие местное население оккупированных стран. Иначе не были бы уничтожены миллионы евреев.

В нашем архиве есть немало документальных подтверждений этого многовекового, к сожалению, правила. Вот, например, доносы - типичные, несколько сотен (скорее, тысяч):

В рапорте секретного сотрудника сигуранцы - одессита Игоря Брижицкого от 28 ноября 1941 года приведены семь доносов на евреев и коммунистов. Вот краткое содержание одного из них. Как сообщает школьная учительница Стасенко, директор школы, гражданин Загальский Алексей Иванович, проживающий в доме № 58 по Успенской (вход со двора), укрывает свою жену-еврейку Клавдию Клейман и ее сына от первого брака Вадима, еврея, 18 лет, которого он когда-то усыновил.

Донос от 24 ноября 1941 года, регистрационный № 104. Гражданка Тимофеева доносит, что в доме № 12 по Сретенскому переулку проживают старики-евреи Френкель, а также пожарник Шура Евдокименко с женой-еврейкой Ольгой Штигельман, которая спрятала свой еврейский паспорт в платяном шкафу.

Донос от 27 февраля 1942 года, регистрационный № 166. Две милейшие старушки, сестрички Мария и Клавдия Пеневы, проживающие в доме № 8 по улице Гоголя, доносят о том, что их давняя приятельница, жидовка Мириям Флит, проживавшая ранее в доме № 13 по Софиевской, скрывается на Слободке, в доме № 30 по Гоголевской улице, и приводят много другой "полезной" информации, в том числе и о людях, помогающих ей скрываться.

Ксерокопии всех этих, иногда многостраничных доносов, хранятся в нашем архиве и частично приведены в книге "Город Антонеску".

Б.К. Помнится, уже опубликованы были две первые ваши книги, когда вы съездили в Одессу, посетили места своего детства в оккупированном городе. Это нужно было для книги, которая сейчас выходит?

В.Т., Я.В. Это нужно было для нас, особенно для нашего сына Саши, который поехал с нами. Мы не думали тогда о книге... Нет, не так. Мы не переставали о ней думать. Внутренняя работа над ней шла непрерывно, эта книга как бы созревала в нас. Разумеется, какую-то подзарядку для нее Одесса тогда нам дала.

В.Т. Я вспомнила один эпизод тех дней. Когда мы вошли в одесскую тюрьму, она представляла собой, как нам объяснили, "действующий объект, в котором содержатся особо опасные преступники - грабители и убийцы". Грабителей и убийц, естественно, охраняли особые надсмотрщики - дюжие парни весьма устрашающего вида. Эти надсмотрщики, во избежание неприятностей, были приставлены и к нам.

Мы вошли в здание тюрьмы, на "Круг",

и подошли к тому месту под лестницей, где, как я помнила, ребенком пряталась от убийц-оккупантов. И, наверное, разволновалась. Стала плакать. Тогда один из надсмотрщиков - огромный белобрысый парняга - протянул мне кружку с водой и сказал: "Попей, попей, дочка!". Он так и сказал: "дочка". Хотя вполне мог бы сказать "бабушка".

Услышав это невероятное обращение, я как-то сразу пришла в себя, взглянула на этого человека и именно тогда усекала, как он молод и белобрыс, и какие у него хорошие синие глаза.

А теперь, вспоминая тот эпизод, я все думаю, какое удивительное существо человек! Как в одном и том же человеке может ужиться жестокость - не случайно же стал этот парень надсмотрщиком в тюрьме, и доброта - не случайно же он называл бабушку дочкой...

Б.К. А я вспомнила сейчас генерала Александра Иулиановича Галинского, главного начальника тюремного ведомства Одесской области, который помог вам тогда получить допуск в место заключения девочки Ролли и ее родных. Я познакомилась с генералом, когда он прилетал по делам в Израиль. Впечатлили ордена с изображением наших древних Храмов, Первого и Второго, на его груди. Такие награды, как выяснилось, были учреждены в Украине в честь возрождения там еврейской общины. А вот за что получил их он, Галинский, сын родителей, помогавших в войну партизанам и спасавших евреев, удалось узнать не сразу. Генерал долго отнекивался, а когда, наконец, "раскололся", выяснилось: за то, что заключенные-евреи в подведомственных ему заведениях получают при желании кошерную пищу и возможность не работать в субботу. Так почему он так долго уклонялся от ответа на вопрос о наградах? А потому, ответил генерал, что хвалиться как-то неудобно. Чем тут хвалиться - что ты нормальный человек? Вот вам еще один нетипичный "мент".

Пора, однако, завершать наше интервью. Задам последний, традиционный для меня вопрос. О чем, для вас важном, я не спросила. У вас есть ответ, хотя вопрос не прозвучал.

В.Т., Я.В. Мы пишем по-русски, однако наши книги, публикации о них, выходят и на других языках. Так, книга "Сталин. Тайный сценарий начала войны" вышла в Израиле на иврите под красноречивым названием "Блеф". Перевод сделал известный писатель Эфраим Баух. Книга "Город Антонеску" выходит в издательстве "Фолио" на русском и на украинском. Эта книга далась нам нелегко - нам как будто пришлось вновь побывать в "Городе Антонеску", пережить наше детство. Но мы счастливы тем, что сумели завершить этот труд и сказать правду о черных днях нашего города.

Всю правду и только правду, без политических предпочтений, без оглядки на утверждения историков, без страха перед людским и Божьим судом. Без ненависти и только с любовью. С огромной любовью к нашему родному городу Одессе и к его детям - одесситам, рассеянными сегодня по всему свету.

Александр ГОРДОН

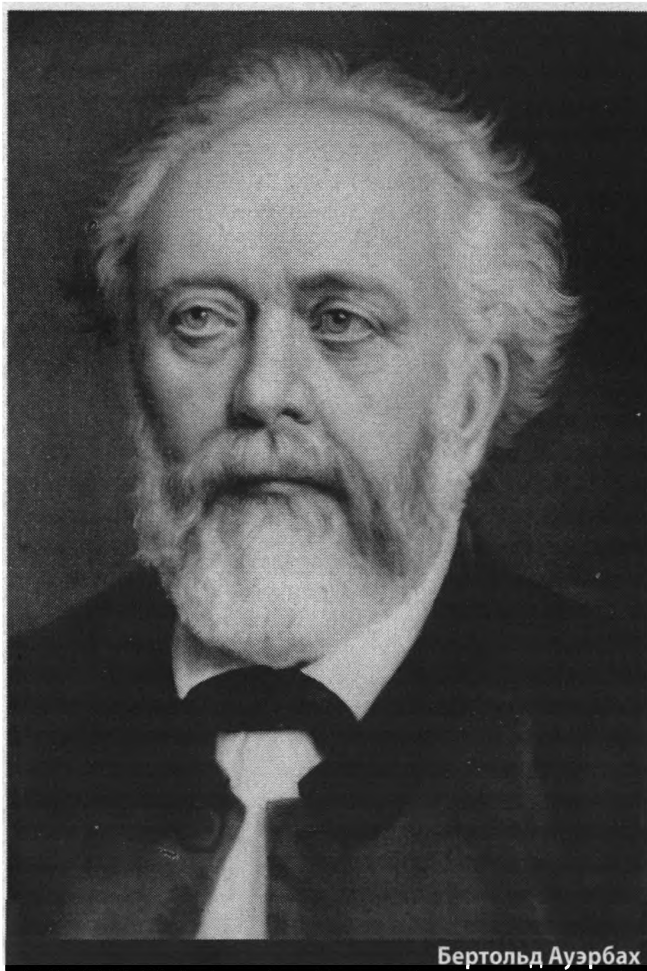
"Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Всё, что снилось, сбудется, как в книге -
Тёмный Шварцвальд сказками богат!"
М.И.Цветаева

В Черном лесу, в Шварцвальде обитали герои сказок братьев Гримм. Сказка Вильгельма Гауфа, автора "Маленького Мука" и "Карлика Носа", "Холодное сердце" начинается так: "Всякий, кому случилось побывать в Шварцвальде, скажет вам, что никогда в другом месте не увидишь таких высоких и могучих елей, нигде больше не встретишь таких рослых и сильных людей. Кажется, будто самый воздух, пропитанный солнцем и смолой, сделал обитателей Шварцвальда непохожими на их соседей, жителей окрестных равнин".

В 1843-1854 годах в литературе раздробленной на 36 государств Германии стали появляться объединяющие народ деревенские рассказы, где немецкая нация начала выкристаллизоваться. Духовным строителем нового народа с помощью литературы был писатель Бертольд Ауэрбах (1812-1882). Он изобразил жителей Южной Германии, особенно крестьян Черного леса, Шварцвальда и Баварских Альп. Его описания замечательны реализмом, изящным стилем и юмором. Яркие шварцвальдские "Деревенские рассказы", описывавшие дух народа, вызвали сенсацию не только в литературной Германии, но и в среде литераторов европейских стран. Автор "Рассказов" приобрел европейскую известность. Его произведения немедленно перевели почти на все европейские языки, в том числе и на русский. В 1861 году русский критик и переводчик М.Л.Михайлов писал об Ауэрбахе как о писателе, обладавшем "глубокою любовью к народу, которого никто не изображал в Германии лучше его". Он высоко оценил значение ауэрбаховских рассказов: "С появлением шварцвальдских "Деревенских рассказов" началось возрождение повествовательной литературы в Германии... Ауэрбах вызвал целую школу новеллистов, которые обратились с сочувствием к народу и принялись изучать хорошие и дурные стороны его быта, его нужды, желания и надежды, его радости и печали". В России произведения Ауэрбаха широко комментировались не только благодаря их народному колориту, но, возможно, из-за тесных связей автора с русскими писателями, в особенности с И.С.Тургеневым, который сравнивал немецкого писателя с Ч.Диккенсом и писал "Записки охотника" под влиянием "Рассказов" Ауэрбаха. Лев Толстой, дважды встречавшийся с немецким писателем, был потрясен его рассказами. Годы спустя он вспоминал: "Я снизу вверх смотрел на немецких крестьян. Немецкий крестьянин такой же самобытный, как и русский. У него есть, чему поучиться. У них очень схожие с русскими крестьянами черты. Все люди одинаковы. Ауэрбах, которого я любил, оценивал выше всех эти черты народа". Советский литерату-

СКАЗКИ ЧЕРНОГО ЛЕСА

Композиция по книге автора
"Безродные патриоты"

Бертольд Ауэрбах

ровед Р.М.Самарин считал, что "место Ауэрбаха в истории немецкой литературы и шире - в истории европейской литературы середины XIX века - связано, прежде всего, с его рассказами из жизни шварцвальдских крестьян. Их появление надо расценивать как выдвижение нового и важного литературного явления - рассказа из народной жизни, близкого к крестьянским рассказам Жорж Санд и к "Запискам охотника" Тургенева".

Парадокс создания немецких "народных" рассказов заключался в том, что их автором был еврей. Писатель Ауэрбах глубоко и рельефно описал жизнь христианского крестьянина в Южной Германии. Только еврей мог относиться с "глубокою любовью к народу, которого никто не изображал в Германии лучше его" (Михайлов). Простые немцы ярко показаны не христианским автором, а евреем.

Бертольд (Моисей Барух) Ауэрбах родился в Нордштеттене, в земле Вюртемберг, возле Черного леса (Шварцвальда) в 1812 году. Начальное образование он получил в еврейской школе нового типа, проникнутой идеями Хаскалы, еврейского просвещения, затем изучал традиционные еврейские религиозные дисциплины, готовясь к получению звания раввина. Однако в 1829 году он прекратил изучение иудаизма и поступил на юридический факультет Тюбингенского универ-

ситета. Он изучал также философию и теологию в Тюбингене и в университетах Мюнхена и Гейдельберга. По обвинению в участии в студенческих беспорядках Ауэрбах был арестован. После освобождения он оставил учебу и стал зарабатывать на жизнь литературным трудом. Одним из первых опубликованных сочинений Ауэрбаха была брошюра "Еврейство и новейшая литература" (1836), в которой он защищал евреев от обвинения в революционном радикализме. В брошюре Ауэрбах стремился показать, что идеи эмансипации немецкого еврейства и апологетика иудаизма сочетаются с немецким патриотизмом в духе учения Моисея Мендельсона. Писатель говорил: "Я немец и не в состоянии быть никем другим. Я шваб и не хочу быть никем другим. И я еврей. Все это создает правильную смесь". Он считал иудаизм интегральной частью религии гуманизма, состоящей из разума, социальной любви и прогресса. Еще в 1832 году он писал: "Мое самое большое желание - сплавить религию Моисея с философией Гегеля... Дух гуманности, ранее обнаружившийся у Моисея, вечно остается тем же у Гегеля". Намерением писателя было интерпретировать идею немецкого национального характера так, чтобы гармонизировать двойственные, еврейские и немецкие элементы в своем собственном характере и в германском обществе: "Мы полагаемся на живительную нравственность германской нации. Да, мы уважаем и любим немецкое достоинство и немецкое сердце, так как это также наша мораль и наше сердце". Ауэрбах был немецким патриотом, но пытался сочетать горячую любовь к Германии с принадлежностью к еврейству.

После публикации романа о судьбе Эфраима Мозеса Ку "Поэт и купец" (1840), немецкого поэта, сторонника Хаскалы Моисея Мендельсона, Ауэрбах оставил еврейскую тематику и выступил в качестве бытописателя немецкого крестьянства в шварцвальдских "Деревенских рассказах". Однако в них он пытался показать, как германский дух расположен к братской любви и человеческой и религиозной терпимости по отношению к живущим

среди немцев евреем. Писатель родился в деревушке, где проживали примерно 200 немецких католических семей и 30 еврейских. Он описывал свой родной Нордштеттен как тихое место, в котором евреи, в большинстве своем торговцы, и католики мирно сосуществуют. Благодаря "Деревенским рассказам" Ауэрбах стал известным, популярным и даже подлинно народным автором. Один из братьев Гримм, Якоб, в восторге написал ему: "Вы вылечили меня от предрассудков. Я не представлял, что еврей способен до такой степени проникнуть до самых глубин немецкой души". Евреи гордились тем, что один из них снискал такую славу в народе. Гейне не любил сентиментальные рассказы Ауэрбаха: "Мой мозг становится водянистым, как будто бы я являюсь автором "Деревенских рассказов" Ауэрбаха, мой желудок подвергнут пыткам, примитивен и темен, как один из этих рассказов". Гейне писал про роман Ауэрбаха о Спинозе своему другу Левальду, что Ауэрбах обладает "большой описательной способностью, значительным остроумием, но малым количеством поэзии". Писатель, в свою очередь, отвергал творчество Гейне как "материалистическое, вырождающееся и непатриотичное".

Ауэрбах игнорировал еврейские проигрыши во время революции 1848 года, считая их второстепенным явлением: "Нужно рассматривать эти глупые случайные выходы с более широкой точки зрения... Восстание в общем благородное и облагораживает".

Писатель был горячим немецким патриотом, взволнованным объединением Германии. Он поддержал войну Пруссии против Франции. Он видел в ней "национальную потребность", "справедливость, честь и правильные действия". В памфлете, в котором высказывался за войну, он проявил патриотизм в полной мере: "Я шваб, но в 1870 году стал прусским солдатом. В качестве солдата я готов стать пушечным мясом. Для этой цели даже еврей, как я, может подойти".

После того как он побывал на параде победы Пруссии возле Бранденбургских ворот в Берлине, писатель особенно воодушевился: "Мессианские чаяния осуществились. Будущие поколения увидят в нас счастливых, которым довелось жить в эту великую эпоху. Прекрасное чувство - присоединиться к массам твоего народа... Когда они прошли мимо меня, размахивая восьмьюдесятью и одним французским флагом и трофейными золотыми орлами, во мне пробежала дрожь: это завершилось. Проклятый черт, кровавые французы разгромлены, надо надеяться, навеки". Еврей назвал победу Пруссии над Францией "осуществлением мессианских чаяний"!.. Из этой победы и захвата Эльзаса и Лотарингии начала назревать трагедия Первой мировой войны.

После того как в 1874 году в Германии был принят закон, разрешающий браки между евреями и немцами, надежда Ауэрбаха на исчезновение еврейской проблемы в течение одного-двух поколений укрепилась. Однако уже в 1876 году он писал двоюродному брату Якобу Ауэрбаху: "Я растерян из-за "тевтонского

приступа бешенства". Еще при жизни писателя началась волна нового, не религиозного, а расистского антисемитизма, проповедуемого Вильгельмом Марром, Евгением Дюрингом и другом Ауэрбаха, историком и членом рейхстага Генрихом фон Трейчке, который называл евреев "нашим несчастьем" и с которым писатель в знак протеста прервал отношения. Фон Трейчке обвинил писателя в том, что он создал крестьян, которые были немногим больше, чем "переодетые евреи". Ауэрбах понял, что "огонь зажжен и продолжит гореть до такой степени, что надо благодарить почти каждого человека, свободного от предрассудков". Писатель становился все более удрученным. По свидетельству одного из окружающих его людей, он стал "болезненным, усталым, сломленным, его кожа стала желтой и сухой, а из глаз исчез свет".

23 ноября 1880 года Ауэрбах сидел после полудня и вечером на трибунах для гостей прусского рейхстага, в котором шли дебаты по антисемитской петиции, требовавшей пересмотреть еврейскую эмансипацию, отнять у евреев гражданские права, официально ограничить их прием на государственную службу, особенно в области юстиции и преподавания. Ауэрбах вернулся домой в депрессивном состоянии и на следующий день в приступе горького отчаяния, написал Якобу: "Я жил и работал напрасно... никогда теперь мне не избавиться от осознания той фальши, затаившейся в сердцах немцев и готовой в любой момент прорваться".

8 февраля 1882 года Бертольд Ауэрбах умер. Невзирая на огромный успех "Деревенских рассказов" и европейскую известность их автора, его творчество было забыто: немецкое литературоведение изъяло еврея из числа немецких народных писателей.

Прошло 35 лет после смерти писателя Шварцвальда Бертольда Ауэрбаха, и Черный лес снова вдохновил еврея написать о нем.

25 августа 1917 года. Берлин. Комическая опера. На сцене премьера оперетты "Девушка из Шварцвальда". Бешеный успех. Публика вызывает автора, одного из самых известных опереточных композиторов империи Леона Йесселя. Аплодисменты разрывают огромный зал. Овации долго не смолкают. 900 представлений выдержит новая оперетта в Берлине и 6000 в Германии и за границей. 16 лет будет она царствовать на немецких сценах, вплоть до ее запрещения...

Германия еще марширует на фронтах. Один из самых популярных маршей - "Парад оловянных солдатиков" Йесселя. Это одна из самых знаменитых немецких рождественских мелодий, написанная композитором в 1905 году. Военные марши скоро станут непопулярными, ибо будут напоминать о сокрушительном и унижительном поражении Германии в Первой мировой войне. Военные марши не популярны из-за обидных и печальных ассоциаций: побежденная Германия на коленях. Марши не популярны, но "Девушка из Черного леса" совершает победное

шествие на немецкой сцене. Националистическая и консервативная идеология Йесселя и его патриотическая, бравурная, веселая музыка вписываются в новое германское мышление. Не вписывается лишь сам композитор, его "позорное" еврейское происхождение...

Леон Йессель крестился в 1894 году в возрасте 23 лет из любви к первой жене Кларе Луизе Грюнвальд и нелюбви к еврейскому народу и своему еврейскому происхождению. В 1896 году Леон и Клара Луиза обвенчались в церкви. Они поселились в Берлине в 1911-м и развелись в 1919 году. В 1921 году знаменитый немецкий композитор Леон Йессель женился на молодой германской националистке, Анне Герхольдт, которая была на 19 лет моложе его.

1921 год, Берлин. В Веймарской республике начинается угрожающая инфляция, наступает колоссальный экономический кризис, свирепствует безработица. Все обесценивается, падают цены на человеческую жизнь. Совершаются политические убийства, национализм поднимает голову. Начинаются антисемитские выступления. Евреев обвиняют в развязывании войны, в поражении в ней и в навязывании стране унижительных и кабальных условий Версальского договора. Евреи удручены и напуганы. Йессель спокоен: к нему обвинения не относятся. Он заслуженный христианин. Он счастлив. Пятидесятилетний композитор женится. Он нашел себе молодую, прекрасную жену, девушку арийского происхождения, "девушку из Черного леса", настоящую немку. Он веселится на свадьбе. Он в зените славы.

Йессель - плодовитый композитор. Он написал много оркестровых произведений, фортепианных пьес, песен, вальсов, мазурок, маршей, хоров и другой салонной музыки. Его оперетты получили большое признание, в особенности "Девушка из Черного леса". Он продает пластинки со своими бравурными произведениями. Его творчество в цене, а цены растут на все. Деньги обесцениваются. Униженная и ограбленная союзниками-победителями Германия начинает маршировать. Через несколько месяцев после счастливой женитьбы Йесселя от рук правых экстремистов погибает министр иностранных дел Германии еврей Вальтер Ратенау. К Йесселю это не относится. Он уже не еврей. Убийство Ратенау прошло мимо Йесселя, хотя было совершено в нескольких сотнях метров от его дома. Он не встревожился, не встревожился, не оглянулся вокруг, не связал случившееся с собой. Он не заметил чудовищную поступь националистического экстремизма. Было еще рано. На часах истории оставалось десять с половиной лет до нацистского перелома. "Парад оловянных солдатиков" продолжали играть. Он звучал в каждом доме и был атрибутом праздника рождества. На оперетту "Девушка из Черного леса" валом валил музыкальный немецкий народ. Пластинки с веселыми и яркими произведениями композитора успешно раскупались. Йессель процветал. Его музыка пленила душу "его" народа. Оперетты композитора национали-

Леон Йессель

стические, очень немецкие. "Девушка из Черного леса" - любимая оперетта Гитлера и Гиммлера.

Благодаря успеху оперетт Йесселя, его консервативной националистической идеологии и вступлению его второй жены Анны в национал-социалистическую партию в 1932 году, еще до прихода нацистов к власти, Йессель ожидает признания нацистами. Он надеется, что Гитлер дарует ему звание "почетного арийца", которым фюрер наградил своего любимого композитора Имре Кальмана, соплеменника и коллегу Йесселя. Кальман не принимает предложения Гитлера и уезжает в Париж, а затем в США. Йессель напряженно ждет. Однако нацистская верхушка его отвергает. Крещение и сорокалетний христианский стаж не помогают. Исполнение его произведений в 1933 году запрещают. В 1934 году жену Йесселя исключают из нацистской партии. В 1937-м композитора увольняют из государственного института музыки. Запись и распространение его произведений запрещено. В 1939 году отчаявшийся Йессель пишет своему либреттисту Штарку в Вену: "Я не могу работать, когда ненависть к евреям угрожает моему народу уничтожением, и когда я не знаю, в какой момент ужасная судьба постучится в мою дверь". После сорокапятилетнего перерыва Йессель говорит о евреях как о своем народе.

Долгие годы композитор искусно играет партию музыканта-немца, рядясь в тогу национального композитора. Но его искусства, его таланта не хватило на покупку входного билета в германскую нацию. Ни крещение, ни ассимиляция, ни мимикрия не помогли композитору уравняться в правах с немецким народом, для которого он писал музыку. Большой музыкант, Леон Йессель не сумел стать "своим" для народа, для которого творил, и он ожесточился. Любовь к немцам переродилась в горькое разочарование наци-

ей, обществом. Его верное многолетнее служение немецкому искусству игнорировалось, его отчаяние было услышано, его критика была подслушана.

15 декабря 1941 года за распространение "ужасных слухов" о государстве Йесселя арестовывает гестапо. Его пытаются в подвале на Александрплац. 4 января 1942 года композитор умирает в берлинском госпитале от перенесенных пыток. Несколько дней он не дожил до 71 года. Через полтора месяца после смерти Йесселя из далекой и безопасной Бразилии пришло печальное известие о самоубийстве прославленного австрийского писателя, интернационалиста, пацифиста, европейца Стефана Цвейга, поста-

вившего, как и Йессель, еврейский вопрос вне круга своих проблем, а после прихода нацистов к власти оказавшегося просто евреем, лишним в германском мире, расставание с которым он так и не смог вынести.

Добрый христианин Леон Йессель написал популярную рождественскую мелодию. Его оловянные солдатики из любимого народом на рождество марша продолжали весело шагать даже тогда, когда кованные сапоги нацистов топтали Европу. Композитор был арестован гестапо в середине декабря 1941 года. Его пытали на рождество, его, доброго христианина с большим стажем. Его избивали и унижали немцы, выросшие на его рождественском марше. Девушки и юноши из черного леса нацизма убили автора "Девушки из Черного леса". Они раздавили выдающегося композитора, словно игрушечного оловянного солдатика: он был для них евреем, недостойным жить.

Леон Йессель написал марш об игрушечной, уютной, веселой и доброй Германии. Его сказка обернулась страшной былью злой и враждебной к нему страны. Оловянного солдатика Леона Йесселя бросили в печь, как "храброго оловянного солдатика" из сказки Ганса Христиана Андерсена. Он попал в печь, как многие евреи во время Катастрофы. Он расплавился в пламени неразделенной любви к Германии.

Черный лес, Шварцвальд, продолжает заворачивать жителей своих деревень темной густотой деревьев, хвойных и лиственных, и водной гладью своих горных озер. Вековые деревья видели Ауэрбаха и Йесселя и героев их произведений. Вдохновит ли Шварцвальд еще одного еврея написать о нем рассказы?

Номер мобильного телефона автора:
0546-545-660,
электронный адрес: algor.goral@gmail.com.

ИУДАИЗМ И ХРИСТИАНСТВО - НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ?

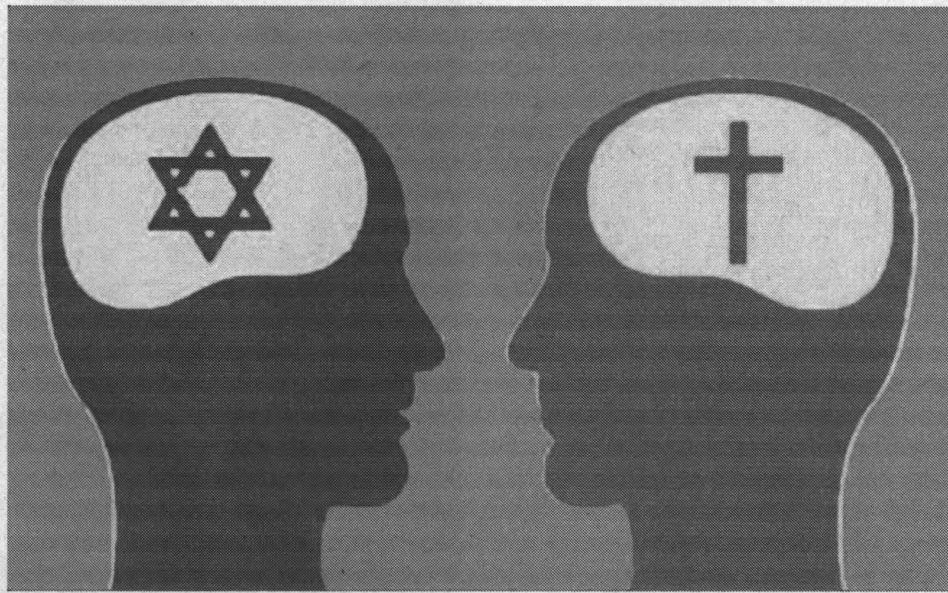
Наум ВАЙМАН

Побывал недавно в Музее Израиля в Иерусалиме на выставке под названием "Ессе homo" - христианская тема в творчестве еврейских художников. И так вышло, что сразу после этого посмотрел выступление Руты Ванагайте, автора книги "Наши", где она говорит об ответственности католической церкви за массовые убийства евреев в Литве. Ну и поскольку вопрос взаимоотношений и борьбы между иудаизмом и христианством представляется мне интересным и важным, то...

Почти два тысячелетия католическая церковь исходила из того, что Господь отменил свой Завет с евреями и отменил избранность еврейского народа. Избранным народом стали христиане. Это дало теологическую основу для тысячелетних преследований евреев, включая погромы, массовые изгнания и убийства. Катастрофа европейского еврейства стала кульминацией такого подхода. Два важнейших в этом смысле события, Шоа и восстановление Государства Израиль, не могли не вызывать теологических потрясений у мыслящих христиан, они заставили католическую церковь пересмотреть свои основные положения, касающиеся отношения к евреям и иудаизму.

Новое отношение стало складываться в окружении папы Иоанна XXIII, в миру Анджело Ронкалли (род. 1877), выбранного в 1958 г. С 1935 по 1944 гг. он был представителем папы в Стамбуле и во время войны помогал спасать евреев от нацистов даже переправлять их в Эрец-Исраэль. Хаим Берлс, представитель Сохнута в Турции в то время, пишет в своих мемуарах, что встречался с Ронкалли сотни раз, и, кроме прочего, они обсуждали текущие теологические проблемы. Однажды, когда они говорили о судьбе евреев в Польше, Ронкалли посоветовал ему почитать пророчество Йехэзкэяла (Иезекииля) о "сухих костях": "Вот Я открываю погребения ваши и подниму Я вас из погребений ваших, народ Мой, и приведу вас в землю Иисраэля" (37:12).

Став папой Иоанном XXIII, Ронкалли поручил кардиналу Августину Беа разработать кодекс новых взаимоотношений с еврейством. Сам Ронкалли умер в 1963 г., но Беа завершил дело, и 28 октября 1965 г. Второй Ватиканский собор опубликовал декларацию *Nostra aetate* (Наше время), где отношениям с евреями и иудаизмом посвящен четвертый раздел. Многие определяют его, как "теологическое землетрясение". Декларация не только отвергает антисемитизм, но и подчеркивает еврейские корни христианства, а также еврейское происхождение Христа, Святой Марии и апостолов. Церковь отныне не принимает обвинение евреев в смерти Христа и считает, что Господь не может "раскаиваться" в своих обещаниях, и таким образом подтверждает, что ветхозаветный "брит", Завет между Господом и избранным им еврейским наро-

дом не может быть отменен.

Отмечая 50-летие "Ностра аэтате" Тель-Авивский университет организовал конференцию на тему этой декларации с участием Американо-еврейского комитета, мемориального института "Яд ва-Шем" и ведущих исследователей этой темы. К конференции был приурочен выпуск научного сборника статей и исследований под редакцией проф. Дины Порат. В честь отмечаемого события Израиль посетил представитель папы по делам взаимоотношений с еврейством кардинал Курт Кох и дал интервью журналисту Дрору Эйдару из газеты "Израиль за неделю" (Исраэль а-шавау).

ДЭ: Что послужило причиной вашего визита?

КК: Как сказал Иоанн Павел II* во время своего визита в Римскую синагогу в 1986 году, для Церкви отношения с еврейством имеют не только практический, но и сущностный характер, и нам очень важно расширить и углубить диалог между двумя религиями.

ДЭ: Считаете ли вы декларацию "Наше время" революцией в истории христианства?

КК: Я считаю это поворотным пунктом. В прошлом не было добрых отношений между католицизмом и другими религиями, мы действовали в рамках общей идеи о том, что должны обратить всех, кто не верует в Иисуса Христа. В декларации мы объявляем о признании добрых сторон любой религии и что с ними необходимо вести диалог, и прежде всего с иудейством.

ДЭ: Считаете ли вы, что Шоа явилась главным толчком для этого поворота?

КК: Да. После ужасов Катастрофы возникла необходимость взвесить наши отношения с еврейством. Вначале была организована встреча французского историка Жюля Исака** с папой Иоанном XXIII, в которой историк передал Папе документ, где ясно сказано о желании еврейского народа по-новому подойти к взаимоотношениям с католической церковью. Через несколько месяцев святой отец поручил кардиналу

Августину Беа подготовить соответствующий документ. Все это на фоне Катастрофы и нашей уверенности в необходимости раскаяния за то, что не было достаточного сопротивления со стороны христианства. Мы обязаны выразить раскаяние перед тем, как такое могло произойти в христианском мире. Мы обязаны преобразовать наши грехи в новый подход к иудейству. На определенном этапе возникло сопротивление этому процессу, прежде всего со стороны арабов и ислама. Глава Комитета решил, что мы должны включить в декларацию отношение ко всем религиям, и в конце концов вышла декларация об отношениях католической церкви со всеми религиями. Хотя начало работы над документом было связано именно с отношениями с еврейским народом.

ДЭ: В документе сказано, что "отрицая всякое преследование против каждого человека, церковь признает общее наследие с иудаизмом, и в этом она движима не политическими, а только религиозными соображениями христианской доброты, и осуждает всякое преследование на почве ненависти и проявления антисемитизма в любое время, от кого бы они не исходили". Это общие высказывания против любой формы ненависти, нет в документе признания Церкви в преследованиях евреев и готовности исправить положение.

КК: Мне кажется, что это включено в высказывание о том, мы против любой формы ненависти или преследований по отношению к евреям. Не только из прагматических или политических соображений, но исходя из нашего понимания христианской благой вести. Преследование евреев было грехом по отношению к нашей благой вести, и антисемитизм - грех по отношению к нашей вере. Ясно, что "Наше время" - это начало нового подхода.

ДЭ: Вы отмечаете существенные изменения в христианском мире после декларации?

КК: До декларации мы были верны идее "замещения" (замены), то есть: у Ветхого Завета и еврейского народа была величайшая миссия вплоть до появления Иисуса,

после чего у нас есть Новый Завет и новый избранный народ, христиане, миссия прежнего избранного народа закончилась. Кроме того, считалось, что евреи распяли сына божьего - это были важнейшие положения в христианской традиции. С нашей точки зрения здесь не было антисемитизма, но был антииудаизм, поскольку у антисемитизма нет христианских корней. Антисемитизм Гитлера шел от язычества, и Гитлер был против христианства также, как и против иудаизма.

ДЭ: Но многие церкви под властью нацистов сотрудничали с Гитлером. В Берлине в 30-е годы возникла идея отделить Ветхий Завет от Нового, христианского.

КК: Да, но не у католической церкви вообще, а у немецких христиан. Из дневников Геббельса мы видим, что Гитлер ненавидел христианство.

ДЭ: Мы сейчас не о Гитлере, а о тех, кто его поддерживал, о европейском обществе, и не только протестантском, но и католическом. Нацистская идеология выкристаллизовалась на почве 2000-летней ненависти.

КК: Да, ее антиеврейский корень - часть этой отрицательной традиции. Но мы должны разделять антииудаизм как чисто религиозную позицию и антисемитизм, что выражает расистскую политическую позицию. Антииудаизм не считает религию евреев настоящей религией.

ДЭ: Ладно, это было до декларации. Как вы сегодня видите ситуацию в католическом мире?

КК: Сегодня мы не держимся за теорию "замещения" и признаем иудаизм как реальную религию, и признаем неизменным отношение Господа к еврейскому народу. Мы признаем еврейский народ как материнское лоно христианства, и декларация отмечает, что у нас есть общее духовное наследие. Это основа для диалога, который происходит сегодня между христианством и иудаизмом.

ДЭ: Если христианство не "замещает" иудейство, то как вы объясняете верующим христианам место их религии?

КК: Это главный вопрос, над которым мы бьемся, и мне кажется, что мы еще не нашли удовлетворительного ответа. Каким образом согласовать веру евреев в то, что Завет, заключенный Богом с еврейским народом, нерушим и вечен - веру, которую мы разделяем, - с христианской верой в то, что Иисус принес в мир Новый Завет?

ДЭ: А почему мы не можем сказать, что благая весть Иисуса была предназначена не для евреев, а для верующих в нее, своеобразный дар еврейского народа христианам.

КК: Мы не можем отрицать нашу веру и Новый Завет, где сказано, что Иисус пришел к евреям. Это утверждал апостол Павел. Ведь он в начале своей миссии посещал синагоги, и лишь затем, не будучи принятым в еврейской среде, обратился к другим.

ДЭ: Когда читаешь слова Иисуса в Новом

Завете, они не противоречат литературе еврейских мудрецов. По его словам, он не собиравшись отменить Тору и предписания Закона. Основная разница в наших верованиях сосредоточена на вопросе о воплощении Бога в смертной плоти. Мы не можем это принять, и поэтому, может быть, стоит разделить религии таким образом, что есть вещи, предназначенные для евреев, а есть - для вас?

КК: Нет, Иисус для нас всегда был Мессией.

ДЭ: Мессианизм - сердце христианской веры, но не веры иудейской.

КК: Но у вас есть надежда на приход Мессии.

ДЭ: Да, есть такая надежда, но это не каждодневное чаение. Во время различных церемоний, праздников и т.д. вера в приход Мессии не особо подчеркивается по сравнению с другими религиозными чаяниями. Этимология слова "машиах" говорит о том, что он - "нимшах", помазан елеем на царство или священничество. Мудрецы Талмуда говорили: "нет между этим миром и днями Мессии ничего, кроме покорности земному уделу", то есть приход Мессии - знак освобождения, включая политическую свободу. Можно убедиться, что мессианство не лежит в основе иудейской веры. А у христиан - это основа.

КК: Но есть разные традиции мессианства в еврейской истории. Например, ессеи, которые надеялись на близкий приход Мессии. Это основа иудаизма. Я не могу согласиться с тем, что иудаизм, в отличие от христианства, не мессианская вера. Все, что я читал об иудаизме, говорит о другом. Разница только в том, что для еврея Мессия еще должен прийти.

ДЭ: Еврей, соблюдающий предписания, не посвящает свои усилия Мессии, что когда-то придет. Когда еврей обращается к Богу, в этом акте нет мессианских чаяний. А в христианстве это основной путь.

КК: Но надежда эта, что Мессия явится в образе Иисуса, очень существенна для обыденной жизни. Я думаю, что большинство религий - мессианские.

ДЭ: Что касается теории "замещения", что была ведущей в христианстве 2000 лет, то есть ли сегодня в католической церкви общее согласие о ее отмене?

КК: Нет, есть меньшинство, так называемые февристы (по имени архиепископа Марселя Лефевра***), которое против такой отмены. Это очень консервативная группа, отвергающая многие положения декларации и объявившая о своем независимом подходе, но все же это меньшинство в церкви, и я надеюсь, что большинство принимает и признает положения Второго Ватиканского собора, в том числе и декларацию, ибо мы не можем быть единой церковью, если не признаем соборных положений.

ДЭ: В прошлом, в Новом Завете обвиняли евреев в том, что произошло с Иисусом. Как вы объясняете это сегодня? Ведь писание не изменилось.

КК: Когда говорят, что евреи несут ответственность за смерть Иисуса, имеют в виду несколько групп людей в прошлом, с которыми у Него были острые разногласия, а не всех евреев, и уж во всяком случае не всех евреев в истории, тем более сегодня. Суд

был совершен Понтием Пилатом, римским прокуратором, а не евреями. То, что было сказано прежде, уже не упоминается ни в каких текстах после Второго Ватиканского собора.

ДЭ: Когда Иисус прибыл в Иерусалим, он напрогнозировал, что город будет разрушен, согласно многим пророчествам Ветхого Завета. Но слова Иисуса привели к вере в то, что разрушение Иерусалима и изгнание евреев были наказанием евреям за то, что не приняли Христа.

КК: Изгнание - это наказание за неверность по отношению к Мессии, так сказано в Новом Завете. Но мы, конечно, не считаем, что разрушение Храма - наказание всему еврейскому народу за то, что не принял Иисуса. Разрушение города и Храма было катастрофой для еврейского народа, поскольку Храм был центром его религиозной жизни и они должны были после этого определить себя заново. Это привело к развитию раввинистического иудаизма. Возникли два пути развития после разрушения Храма: христианство и раввинистический иудаизм как результат поиска нового религиозного смысла жизни, без храмового богослужения, только в виде молитвы и соблюдение Закона.

ДЭ: Я читал в писаниях святых отцов Церкви, что евреи были наказаны за убийство Сына Божьего, и потому они никогда не вернутся в Сион. Августин в V веке выдвинул доктрину "вечного свидетеля", согласно которой мы, евреи, неизменно нашего жалкого положения предназначены быть вечными свидетелями христианской истины. Сегодня, в конце 2015 года, мы находимся в независимом еврейском государстве, восстановленном в процессе возвращения евреев в Сион в течении последних примерно 200 лет. Как вы, в качестве христианина, относитесь к этим историческим событиям?

КК: Со смертью Иисуса произошел раскол между христианами и иудеями, об этом пишут отцы Церкви. Но следует пересмотреть их тексты в свете нашего нового подхода. И совершенно другой вопрос - два взгляда на Землю Израйля: взгляд религиозный - это ветхозаветная Земля обетованная, и взгляд политический - это Государство Израиль. Христианину трудно свыкнуться с обоими подходами. Государство Израиль - политическое образование, и оно должно быть подвержено критике, как любое государство. С другой стороны, это Земля, обещанная евреям, - важная часть наших верований.

ДЭ: Признаете ли вы обещания Господа об этой земле, данные евреям?

КК: Да.

ДЭ: Как, по-вашему, возвращение евреев в Сион после сотен лет изгнания - это осуществление ветхозаветных пророчеств и обетований?

КК: Это очень тяжелый вопрос. Государство Израиль - это политическое образование. Можем ли мы сказать, что это воплощение ветхозаветных обещаний? У христиан тоже есть обещания. Святое писание обещает, что придет Мессия, и мы, христиане, убеждены, что это Иисус. Ты с этим согласен? Но мы не убеждены, что воплощение произошло в виде упомянутого политического образования.

ДЭ: Было обещание, что евреи будут изгнаны и вернутся.

КК: У нас есть обещание, что Мессия должен прийти, и христиане убеждены, что он пришел. Евреи не приняли эту идею. Но ты принимаешь ветхозаветную идею обещанной земли и воплощение этой идеи в Государстве Израиль. В чем разница?

ДЭ: Вопрос о Мессии в Ветхом Завете не так ясен, как вопросы изгнания и избавления. Почти все пророки ясно говорили об изгнании евреев и их возвращении. А когда ты говоришь о воплощении в Иисусе мессианской идеи, это новое прочтение Ветхого Завета. Для нас это даже не толкование, а абстракция, фантазия.

КК: Нам совершенно ясно, что Иисус есть воплощение ветхозаветных пророчеств.

ДЭ: А что сегодня для вас, христиан, Израиль?

КК: Наша неизменная позиция состоит в том, что конфликт на Ближнем Востоке разрешим только в рамках создания двух государств, Израйля и Палестины. Это ясная позиция Ватикана.

ДЭ: Ближний Восток нынче - кипящий котел. Христиан преследуют по всему Ближнему Востоку, и только в Израиле они живут в мире. Как мы можем быть уверены, что если отступим, территорию не захватят организации вроде ХАМАСа или Исламского государства?

КК: Это политический вопрос. Мы хотим мира. В этом смысле мы не можем принять ситуацию вечного конфликта и не требовать его разрешения. Католическая церковь, Ватикан убеждены, что необходимо мирное решение в виде двух государств.

ДЭ: Арабо-израильский конфликт идет не только вокруг вопроса о земле. Конфликт вокруг земли можно урегулировать путем раздела земли. Но каждый раз, когда мы, ради компромисса, оставляли какой-то клочок земли, он становился базой террора. Как же Церковь может поддерживать такое "решение проблемы"? У евреев есть только одна страна, у арабов - 22 страны. Почему именно мы должны выделить им часть того единственного и мизерного пространства, что у нас есть?

КК: В самом Израиле политики говорят о решении "два государства для двух народов", это не только позиция Ватикана. Но я не отвечаю за политические вопросы. Я занимаюсь религиозными.

ДЭ: Как вы видите будущее обеих религий?

КК: 10 декабря будет опубликован новый документ об отношениях между евреями и христианами, в надежде разбудить обсуждение и новый диалог между ними. Мы в постоянном контакте и диалоге с Верховным раввином в Иерусалиме, с международным комитетом по отношениям между религиями и разными исследователями.

ДЭ: Что бы вы пожелали народу Израйля?

КК: Мира.

ДЭ: На Ближнем Востоке нельзя "принудить к миру". Может быть, придется еще годы ждать решения, как Мессию.

КК: Мы уже не ждем.

ДЭ: Но вы ждете второго пришествия. А мы ждем первого.

КК: Мы надеемся, что они совпадут.

Не могу не добавить от себя некое заключение или комментарий. Мне не нравится не только невнятная дипломатичность папского представителя, но даже и сама декларация о заключении "мира с иудаизмом". От нее несет гнилым компромиссом. Я могу приветствовать прекращение преследований евреев со стороны христианской церкви (политический компромисс), но не могу принять компромисса в вопросах веры. Я готов жить в мире с кем угодно, но я не могу считать сына плотника рожденным от Святого Духа и поклоняться ему как Богу. То есть если кому-то от этого легче, пусть верит во что хочет, но я не буду считать его веру "нашим общим религиозным наследием".

Однако ведь и любой компромисс - это форма борьбы, часть борьбы, следствие борьбы. (Ибо жизнь - борьба, нравится это кому-нибудь или нет. А тот, кто хочет отменить борьбу, поскольку она ведет к ужасам, пытается отменить жизнь и на самом деле ведет к еще большим ужасам, к той самой "борьбе за мир, после которой не останется камня на камне".) Интересно, что кардинал Кох видит ситуацию ровно наоборот: он готов к религиозному компромиссу (с иудаизмом), но не готов к политическому (с евреями). Например, он вместе со всей католической Церковью готов признать (религиозно!), что Земля обетованная, от Нила до Евфрата, дана Богом евреям, но политически - он за территориальный компромисс с арабами, которым ни еврейский, ни христианский Бог ничего не обещали. То есть он готов политически (реально!) действовать вопреки своей вере (и это не единственный религиозный компромисс католиков в современном мире, вспомним признание однополой браков). И выходит, что он кругом лицемер, либо политический, либо религиозный. Но ведь это не его личная "проблема". Так, может быть, лицемерие - проблема католической церкви вообще? Или вообще христианской церкви? А что такое лицемерие? Это форма слабости, когда нет сил отстаивать свою подлинную позицию и приходится прибегать к маскировке, лицедейству, обману. Но это заставляет сделать еще более серьезный вывод о причинах "новой политики" Ватикана по отношению к евреям: христианская (или, допустим, только католическая) церковь уже не верит в крепкую веру своей паствы. И, быть может, как и в начале христианской эры, она снова пытается опереться на древнюю веру евреев, которая кажется нынешним руководителям церкви более твердой, более основательной? Не в этом ли глубокий смысл сего компромисса.

* Папа Иоанн Павел II (Кароль Юзеф Войтыла) 13 апреля 1986 г., впервые с апостольских времен, посетил синагогу в Риме и приветствовал иудеев, которых он назвал "старшими братьями". Через много лет, в 2000 г., он прилетел в Иерусалим и коснулся Стены плача, святыни иудаизма, а также побывал в мемориале "Яд ва-Шем".

** Жюль Исак - французский еврейский историк родом из Эльзаса, автор труда "Иисус и Израиль". Его жена и дочь погибли в Освенциме.

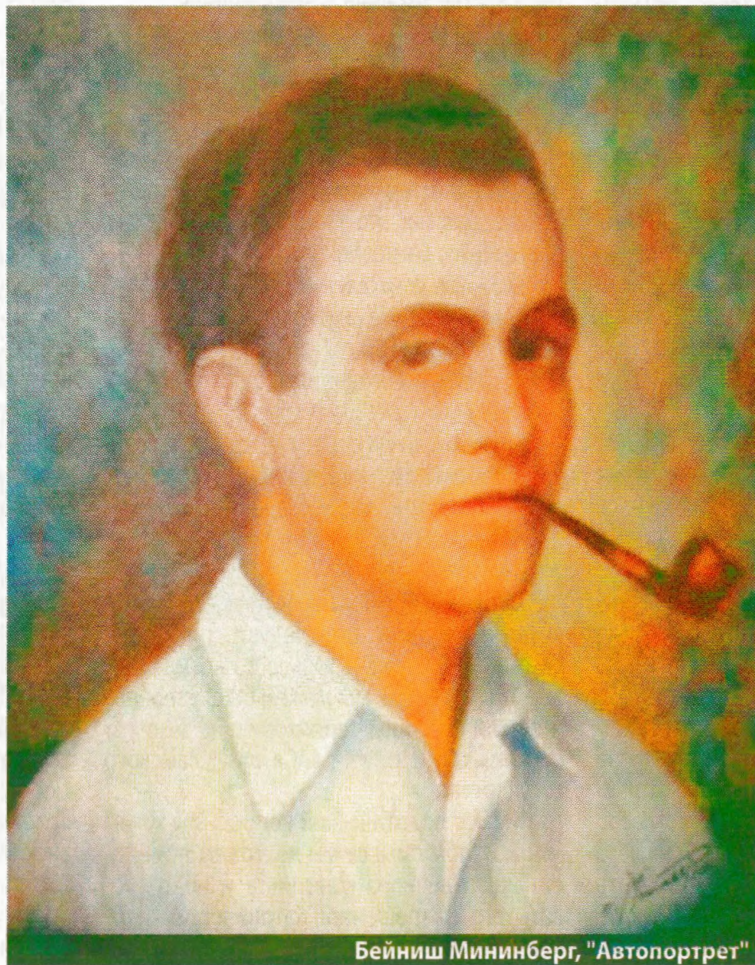
*** Архиепископ Марсель Лефевр - традиционалист, поддерживаемый антисемитами и отлученный от Церкви в 1988 г.

Алек Д. ЭПШТЕЙН,Центр изучения и развития
современного искусства

Очень трудно быть художником в стране, где не только нет ни одного общедоступного художественного музея, но и ни одной галереи, которая бы занималась продажей произведений, создаваемых живописцами. В Эрец-Исраэль, как известно, первая галерея была основана Моше Кацем (1902-1984) в 1928 году, а первый художественный музей появился в Тель-Авиве в 1932 году. Почти все живописцы, рисовавшие Эрец-Исраэль в предшествующие этому времени годы, были иностранными туристами или паломниками, вследствие чего никакой художественной среды и никакого рынка произведений искусства в стране не существовало. Позже все, конечно, кардинально изменилось, в наши дни в Израиле открыты десятки художественных музеев и сотни коммерческих галерей, однако первопроходцы израильского искусства никак не могли рассчитывать на то, что смогут заработать себе на жизнь чистым искусством. Как результат, они искали - и находили - другие пути, реализуя свой творческий потенциал в иных сферах, прежде всего дизайна и декоративно-прикладного искусства. Одним из таких художников был многогранно талантливый Бейниш Мининберг.

Он родился в Яффо 26 декабря 1902 года в семье выходцев из Кременчуга, прибывших в Эрец-Исраэль в 1898 году; кроме него, в семье было еще шестеро детей. Наречен он был в честь праздника Ханука, во второй день которого появился на свет - "бет бе-нес", так и возникло редкое имя Бейниш... В 1908 году семья Мининберг была среди основателей квартала ремесленников Неве-Шалом в возникшем незадолго до этого первом еврейском городе - Тель-Авиве. Когда в 1917 году еврейские жители Тель-Авива - Яффо были изгнаны из города турецкими властями, семья Мининберг была вынуждена переехать в лагерь беженцев, разбитый в районе Кфар-Сабы, но после завоевания Эрец-Исраэль британскими войсками смогла вернуться в Неве-Шалом. В 1921 году семья переехала в новый дом на улице Шенкин, д. 22 - в наши дни это самый центр старого Тель-Авива.

Бейниш учился в начальной школе "Alliance française", однако бросил ее перед переходом в четвертый класс, чтобы помогать в работе отцу Иехуде (1880-1945), который не только занимался оформлением помещений, но и

Бейниш Мининберг, "Автопортрет"

был активным общественным деятелем, председателем совета местного самоуправления района ремесленников, а с 1922 года - председателем профсоюза ремесленников. Иехуда Мининберг также основал и возглавил сберегательную кассу взаимопомощи для ремесленников, многие из которых нуждались, особенно в годы экономического кризиса конца 1920-х - начала 1930-х годов.

После окончания Первой мировой войны Бейниш Мининберг поступил в художественную академию "Бецаэль" в Иерусалиме, однако и ее не закончил. Проучившись год в этой академии, Бейниш вернулся к родителям, чтобы помогать отцу в его работе. В 1926 году он женился на Розе Шпидлер, в семье родились двое детей, Авраам и Ури. Жила молодая семья неподалеку от дома отца Бейниша на улице Шенкин.

В начале 1920-х годов, помогая отцу, Бейниш начал выполнять заказы на роспись стен в Тель-Авиве. В 1922-1923 годах отец и сын Мининберги размещали в журнале "А-млах" рекламные объявления под заголовком "Оформление комнат по европейской моде". Во второй половине 1920-х годов Бейниш выполнил несколько проектов по оформле-

бавлением меди и вышивки; на них обычно изображались библейские сюжеты, пастухи, верблюды, овцы, а также пейзажи Эрец-Исраэль.

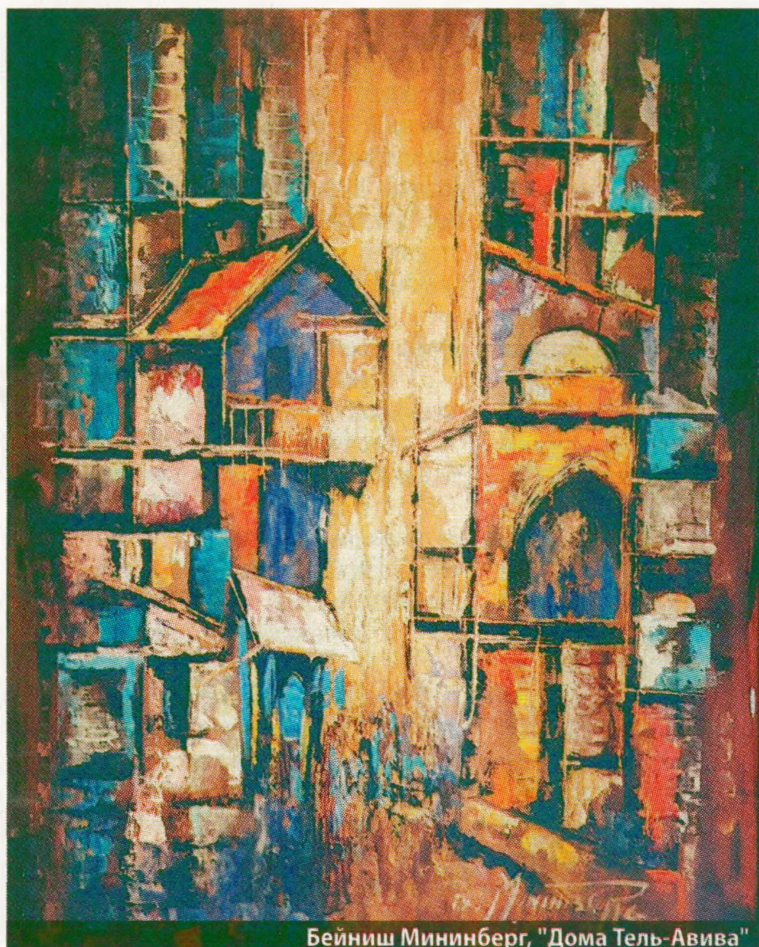
В 1929 году Мининберги представили свои изделия на международной Восточной ярмарке в Тель-Авиве. Ярмарка эта (важно не путать ее с одноименной ярмаркой, проходившей в те же годы в Кенигсберге!) проходила более или менее регулярно с 1923 по 1936 годы и памятна двумя историческими событиями. Во-первых, в 1932 году в ходе этой ярмарки впервые состоялся сеанс радиовещания на языке иврит! (Регулярное вещание радиостанции "Голос Иерусалима" началось лишь четыре года спустя). Во-вторых, 26 декабря 1936 года под управлением легендарного дирижера Артуро Тосканини в одном из павильонов Восточной ярмарки состоялся первый концерт Палестинского симфонического оркестра, известного ныне по всему миру под именем Израильского филармонического. На Восточной ярмарке Мининберги были удостоены серебряной медали, что существенно способствовало росту репутации предлагаемых ими сувениров среди клиентов. На улице Нахлат Биньямин они открыли небольшой магазин.

Рынок подобных товаров в те годы был, однако, очень ограничен, и спрос был удовлетворен довольно быстро. Бейниш Мининберг, который должен был содержать семью с двумя маленькими детьми, вынужден был искать новые возможности заработка... В 1935-1937 годах он работал в Иерусалиме в фирме "Братья Алдови" (братья были выходцами из Галиции), которая производила мебель из металла; одним из братьев был Цви Алдови (1904-1996), позднее ставший известным в

Израиле скульптором и удостоенный в 1991 году звания почетного гражданина Тель-Авива. Бейниш Мининберг также выполнял частные заказы по художественному оформлению мебели для арабских мастерских в Иерусалиме. В 1938-1939 годах он трудился художником-оформителем в компании по производству металлической мебели, которую возглавлял Исраэль Ханания (Хананзон), и два года прожил с семьей в Бейруте, по долгу службы бывал в Сирии и Турции. Бейниш Мининберг специализировался на росписи по дереву и металлу на заказ - именно такие работы часто заказывали богатые клиенты. По словам его сына Ури, он даже расписывал помещения в резиденции Мустафы Кемала Ататюрка, известной как Дворец Чанкая, в Анкаре (глава турецкого государства жил там с 1921 по 1938 гг.). В 1939 году Бейниш был направлен в Египет в качестве представителя компании "Цева", позднее вошедшей в состав широко известного сегодня не только в Израиле, но и за его пределами концерна "Тамбур", являющегося ведущим производителем красок, покрытий и отделочных материалов.

После провозглашения независимости Государства Израиль Бейниш Мининберг переехал в Рамат-Ган, где вместе со своим сыном Авраамом открыл багетную мастерскую. Однако он не только изготавливал рамы для картин, но и рисовал сам, работая в различных художественных стилях, одинаково уверенно создавая как пейзажи в традициях европейского академизма, так и произведения в стиле раннего кубизма (о чем свидетельствует, например, прекрасная картина "Дома Тель-Авива"). Кроме того, по запросам состоятельных заказчиков Бейниш Мининберг вместе со своими учениками создавали скрупулезно выверенные копии картин знаменитых художников прошлого. Бейниш Мининберг родился в Эрец-Исраэль, но в душе и творчестве оставался европейцем, любил классический балет, которому отдавал дань и в своих работах (одна из них посвящена "Лебединому озеру" П.И.Чайковского). Он немало путешествовал по миру и, в частности, бывал у своих братьев: Цви, жившего в Южной Африке, и Авраама, родным городом кото-

Семья Мининберг в июне 1935 г.
Крайние справа в нижнем ряду -
Бейниш Мининберг и его супруга Роза;
в центре - Иехуда Мининберг

Бейниш Мининберг, "Дома Тель-Авива"

рого стал Нью-Йорк. В 1958 году Бейниш Мининберг принял участие в выставке рисунка в Нью-Йоркском институте графики.

Еврейские и библейские сюжеты занимали значительное место в творчестве Бейниша Мининберга. Так, на картине "Путник" изображен одинокий и немолодой уже еврей в заплатанных лохмотьях, в старом пыльном сюртуке, с рваной кожаной накидкой на плечах, которая почти не защищает от холода и сырости, с помятой шляпой на голове и с палкой в руках. В ладони он сжимает опустевший мешочек, в котором нес нехитрую еду. На седых волосах - пыль пройденных дорог, на его изможденном лице - усталость и горечь обреченности, в потухших глазах - боль отчаяния, которая притупилась от постоянных лишений и унижений, и переходит в подавленное безразличие ко всему вокруг, не находя надежды. Возле него прямо на земле валяется опрокинутая, выброшенная на улицу корзина со связкой моркови, вывалившейся в уличной пыли и грязи. Путник стоит на каменных плитах у входа в дом, уже не надеясь ни на гостеприимство, ни на помощь - в глубине полукруглой каменной арки едва заметна закрытая дверь, к которой ведут несколько каменных ступенек, но для ослабевшего старика и они - нелегкое препятствие. Видимо, он просил ночлега или пищи, но все, что получил странник - это жалкое, бездушное подаяние, оказавшиеся ненужными остатки с хозяйского стола, которые ему выбросили. Отказав ему в помощи, его и самого будто

выбросили, подобно ненужной корзине, захлопнув перед ним двери, оставив его одного посреди улицы. Больше вокруг не видно ни души, нигде не издается ни единого звука, и на земле под ногами нет ничьих следов и теней - этот дом с мощными каменными стенами был его единственной надеждой на кров и пропитание,

Бейниш Мининберг, "Путник"

ведь позади тяжелая дорога. Но и эти двери оказались закрыты, и теперь ему остается лишь перевести дыхание и вновь продолжить свой нелегкий путь в призрачной надежде на чье-то участие в его судьбе...

Полотно "Содом" иллюстрирует известный фрагмент из ТАНАХа, который рассказывает о том, как Бог наказал жителей города, где в то время находился Лот, брат Авраама, с дочерьми и зятьями, за их бездушные, негостеприимство и жестокость. Согласно известному библейскому сюжету, Лот, переселившийся к тому времени в Содом, принимал у себя двух ангелов, которые остановились у него на ночлег. Однако не успели присутствующие заночевать, дом окружили жители города, которые потребовали представить им людей, пришедших к Лоту. "И позвали Лота, и сказали ему: Где те люди, что пришли к тебе сегодня вечером? Выведи их к нам, и мы их познаем!" (Быт. 19:5). В ответ на отказ и на просьбу не причинять гостям никакого вреда, а также на предложение вывести к ним вместо этого своих дочерей, с которыми они могли поступать по своему усмотрению, содомляне напали на самого старца, попытавшись ворваться в его дом: "И сказали: пошел вон! И сказали: пришел (тут) один пожить и распоряжается! Сейчас мы с тобой еще хуже поступим, чем с ними! И навали-

Бейниш Мининберг, "Содом"

лись на (этого) человека, Лота, и подошли ломать дверь" (Быт. 19:9). Однако ангелы ослепили нападавших и в итоге помогли семье спастись, а сам город и его жителей постигла суровая кара - он был полностью уничтожен пожаром. В Книге Бытия сказано: "А Господь обрушил на Седом и Амору дождь из серы и огня от Господа с небес. И уничтожил эти города, и всю равнину, и всех жителей городов, и растительность, (что) на земле..." (19:24-25). И далее: "И было - когда уничтожал Бог города равнины, вспомнил Бог Авраама и выслал Лота из гибельного места, когда губил города, в которых жил Лот" (19:29). На картине изображен тот момент, когда Лот и его дочери бегут из города, босые, неся в руках все то, что успели взять с собой из дома - сосуды с водой и котомки с домашним скарбом. А далеко позади в языках пламени гибнет город, над которым поднимаются гигантские клубы дыма. Огромный светящийся шар, Божья кара за жестокость и злобу жителей, несущая безжалостное пламя, подобно шаровидной молнии, врзается в равнину перед воротами города, и от его зловещих искр вспыхнуло все вокруг. Исполненные пепельно-багровые облака, вздымающиеся над Содомом, полностью покрывают небо, и их массивные громады начинают напоминать горные уступы. А сам город, окутанный желто-красным заревом, кажется, тонет в жерле гигантского вулкана, в провале огненной пещеры, откуда нет выхода. И хрупкие, беззащитные фигуры Лота и его дочерей, сжавшись и уповая лишь на

милость высших сил, совершают свой исход, ведя за собой отару овец, держась поближе друг к другу и шепча молитвы, спасаясь от огненного тумана, который покрывает город вдаль. И кажется, что сами небеса, обгащенные иссиня-бордовым заревом до самых высот, обугливаются и готовы вот-вот обрушиться на землю, погребя под своей тяжестью негостеприимный город и его жестоких жителей...

Бейниш Мининберг прожил 93 года и скончался в Рамат-Гане 1 января 1996 года. При жизни он не получил той известности как художник, на которую по справедливости мог бы рассчитывать. Однако когда отдельные из созданных им картин, находящихся в частных собраниях, попадают на аукционы, то ценители живописи обращают на них заслуженное внимание. Работ Бейниша Мининберга почти нет в общедоступных музеях, но хочется верить, что энтузиасты и ценители его искусства, хранящие его произведения в своих коллекциях, смогут организовать представительную выставку, которая навсегда воплотит его имя в ряд основоположников израильского искусства.

Автор выражает благодарность сыну художника Ури Мининбергу за помощь в работе над этой статьей и предоставленную фотографию из семейного архива.

Сокращенная версия статьи была подготовлена в рамках проекта "Я - Тора. Еврейская Библия и мир". Полностью публикуется впервые.

"РАЗОРВАННЫЙ ТАЛЕС"

УРИ ЦВИ ГРИНБЕРГА

Ханох ДАШЕВСКИЙ

*"Разорванный талес на раненом теле.
Хорош этот талес еврейский –
в нём телу удобно:
ещё не зажившие раны ветра
не засыплют песком...
Я царь в этом талесе –
в мантии красной и рваной!
Я каждой руке отомщу
за пролитую кровь
в болотах
в сараях,
на улицах
и у порога костёлов".*
Ури Цви Гринберг, "В Царстве Креста"

Великий еврейский поэт Ури Цви Гринберг обладал особым видением, свойственным натурам пророческим. Ему открывались иные миры, недоступные приземленным, сосредоточенным на будничной суете людям. Но и в литературном окружении, среди соратников по перу, он нередко оставался изгоем, чья бескомпромиссная позиция по основным вопросам еврейского существования не находила понимания и подвергалась граничащей с руганью критике. Ярлык "кровавый фашист" надолго приклеился к нему, и каково ему было после Катастрофы ходить с таким ярлыком. А все дело было в том, что он видел дальше других и, как верный сторожевой пес, учуяв опасность, пытался встревоженным лаем предупредить пастухов еврейской страны. "Домашний пес" - так назвал он себя. Приехав в 1923 г. в Страну Израиля и став здесь официальным певцом рабочего движения, Ури Цви довольно быстро разочаровался в социалистическом сионизме. Тактика партии МАПАЙ, в основе которой лежали компромисс, осторожность и подчинение национальных интересов проарабски настроенным британским властям, была для него неприемлема. Руководители ишува видели надоевшие киббуцных коров, а он видел Храм. Они призывали к сдержанности во время арабских нападений, а он звал к борьбе.

Ури Цви Гринберг был единственным сыном раввина и главы хасидской общины, но не стал наследником отца и продолжателем его дела, потому что был Поэтом. Он всегда гордился своим предназначением, которое открыл в себе очень рано. В юности склонный к лирике и философским размышлениям, он тем не менее стал одним из лидеров еврейского поэтического авангарда, а позже весь свой мощный талант посвятил национальной идее, которая в его понимании должна была воплотиться в восстановленном, от Нила до Евфрата, Царстве Давида. Его считали неврастеником и мистиком, а он назвал журнал, который сам редактировал, "Альбатрос" - созвучно знаменитому стихотворению Ш.Бодлера.

Ури Цви Гринберг

"Исполинские крылья" поэта мешали ему чинно совершать обычный обывательский моцион.

Он участвовал в Первой мировой войне и, возвратившись в 1918 г. в город своего детства Львов, увидел погром. И едва не стал его жертвой. "Пришли польские солдаты, - писал он потом, - и поставили нас к стене. За что? А ни за что. У вас, евреев, кровь собачья - так говорили нам". С того дня Ури Цви окончательно усвоил то, что знал и раньше: у евреев действительно кровь другая. Царская кровь. Но не имея возможности за себя постоять, они становятся жертвой тех, в чьих жилах течет собачья, или того хуже, волчья кровь. А так как погромного опыта у Гринберга не было, потому что в Австро-Венгрии, где он родился, не было погромов, пережитое во Львове навсегда врезалось в его память, как мог бы врезаться штык соседа, приставленный к его сердцу. Сосед долго решал: убивать Ури Цви или пощадить.

Чудом уцелев, он уехал в Варшаву - в те годы один из крупнейших еврейских центров. Там собрались молодые еврейские писатели и поэты, там была культурная жизнь. И традиционный антисемизм. Он был неотъемлемой частью польского шовинизма, многократно возросшего из-за советско-польской войны и поражения наступавшей на польскую столицу Красной армии. И Ури Цви Гринберг публикует в уже упоминавшемся "Альбатросе", на идиш, который в тот период он использовал больше, чем иврит, поэму "Ин Малхус фун Цэйлем" (В Царстве Креста) - обличение христианского антисемитизма и предсказание Катастрофы. Написанное в лучших традициях экспрессионизма, это произведение поразило современников реальным, ося-

заемым и в то же время мистическим ужасом, сюрреалистическими картинами, нарисованными воображением Гринберга, потрясенного той постоянно тлеющей ненавистью, которую испытывали евреи в довоенной Европе. Поэт почувствовал небывалый пожар, какого еще не знала еврейская история:

*Ночами вселяется ужас в дома наши:
чёрная птица.
Что можем мы сделать -
напуганных горстка евреев,
когда возвышаются римские башни
над нами,
и звон колокольный должны
каждый вечер мы слушать,
и в чёрные наши субботы,
и в чёрные праздники наши.
Проклятие жить так, когда ежечасно
огонь может вспыхнуть повсюду:
костры под ногами,
костры под домами.
Что можем мы сделать -
напуганных горстка евреев,
когда наши жёны и дети кричат нам:
"Спасите!",
и крыши пылают,
и пламя горит в наших окнах.
Проклятье быть телом,
которое топчут,
как уличный серый булыжник -
но тело не камень.
Из мяса оно и костей
и почувствовать может,
как лезвие режет....*

Но положение, когда евреи, как сбившееся в кучу стадо, дрожат в ожидании погрома, не устраивало Гринберга. Он жалел свой народ и сочувствовал ему, но отсутствие сопротивления, слабость и покорность судьбе - против этих качеств, ставших стереотипом "галутного" еврея, поэт выступал в течение всей своей дол-

гой жизни. Эти неизжитые свойства он видел и в Израиле, и для его души это было прикосновением бритвы. Душа кровоточила, и он отзывался горькими и яростными стихами. А начало было положено поэмой "В Царстве Креста". В воображаемом диалоге с отцом Ури Цви Гринберг отвергает двухтысячелетнюю еврейскую практику жертвенности и смирения:

*Отец! Покраснела стена в этом городе -
скоро
приблизится вечер,
и вспыхнут далёкие звёзды.
Чего ты добьёшься молчаньем
и кротостью вечной?
Не помнишь ты разве,
что Страж наш, Господь Всемогуший,
стоит за тобой,
и дрожать ты не должен?!*

Эти слова Гринберг говорит в поэме своему отцу-раввину, представляющему привыкшее к покорности старшее поколение. Он обращается к нему языком понятным религиозному еврею: он апеллирует к тому, кто зовется "Страж Израиля". За вами такая сила, - хочет сказать поэт, - а вы дрожите. Нужны усилия снизу, и тогда придёт помощь сверху:

*Я Имя тогда назову, и осядут
высокие башни костёлов,
откуда несётся
сводящий с ума перезвон.
Как дрожал ты!
А ныне останутся только
(для памяти и для рассказов)
на кровлях железных кресты, как кресты
на надгробьях.
Из кладбищ, из тысяч и тысяч могил
еврейское воинство встанет
и выйдет с оружием,
и будет в шофары трубить
на все стороны света.*

Несмотря на то что окружавшая евреев действительность не располагала к оптимизму и внушала тревогу, главным, что шокировало современников Гринберга, было содержащееся в поэме предсказание Катастрофы. Такой, какой ее видел поэт: беспросветный ужас, ловушка, подготовленная многими столетиями агрессивного христианского антисемитизма. Содрогнулись не только рядовые читатели. Даже Хаим Нахман Бялик, высоко ценивший талант Гринберга, знаменитый поэт, у которого никогда не было иллюзий относительно зыбкого положения евреев в галуте, с сомнением отнёсся к видениям Ури Цви. Потому что если бы не дата создания поэмы - 1922 год - можно было бы подумать, что Гринберг пишет о событиях, которые происходят у него на глазах, о событиях, свидетелем и участником которых он является. Настолько все реально в его поэзии, настолько похоже на то, что спустя полтора десятилетия будет происходить на самом деле:

*Если б мог удержать я
пылающий Марс на орбите,
чтобы он осветил,
сквозь затмение солнца, дороги,
где сидят наши матери возле обочин*

и баюкают там своих мёртвых детей
на коленях,
своих мёртвых ягнят и птенцов
на распутьях Европы.
На востоке, на западе -
всюду кошмар под крестами!
Что я сделать могу,
собирая в кулак наши слёзы?
У обочин сидеть, молча плакать
в тени колоколен
и баюкать ягнят и убитых птенцов
на коленях?
Или кладбище выкопать в сердце Европы
для погибших ягнят,
для птенцов моих мёртвых?

Вынужденный бежать из Варшавы с
фальшивым паспортом в кармане, по-
скольку ему угрожал арест "за оскорбле-
ние христианства", Гринберг оказался в
Берлине, где опубликовал запрещенную
в Польше поэму. Ее финал однозначен: у
евреев нет будущего в Царстве Креста,
нет будущего в Европе. Но соплеменники,
к которым обращался поэт, не понимали
ужас своего положения, не понимали, что
обречены. Он говорил им правду, но они
предпочитали заткнуть уши и зажмурить
глаза. Так было удобнее и проще: к огра-
ничениям мы привыкли, оскорбления
как-нибудь перенесём, а что может быть
хуже? Погромы, как в России? Но ведь
здесь цивилизованная Европа. В своем
провидении Гринберг был почти одинок,
как нередко были одиноки пророки
ТАНАХА, провозглашавшие истину под
насмешки толпы:

Может, самое чёрное вижу я здесь
из пророчеств,
каждым нервом своим ощущаю я ужас,
оттого что сбываются эти виденья
здесь, в долинах страданья,
на земле христианства.
Мы сошли со ступеней крутых,
на которых стояли,
покачнул наши лестницы ветер Европы:
всем любовь - даже тем,
кто готовы нас резать,
даже душам злодеев - Небесное Царство.
Пламя в наших глазах, опалённое небо:
и пылают костры,
и снуют между ними евреи,
и ни слова не могут сказать,
и не знают, где выход,
и не видят, что небо в огне
и что бездна под ними...
Только мельницу видят они,
чьи вращаются крылья
в ядовитом пространстве,
и мелют, и мелют
воздух кладбищ осенних,
старых кладбищ Хешвана.
Как могу я, идущий от страданья
к страданью,
одиноким еврей, в чьей крови
страх еврейский и ужас,
ужас ночи насилия слепой и закланья овец
- как могу я
пробудить это павшее воинство:
тысячи тысяч
на земле Украины, на польских дорогах?!
Только ночью встает это воинство
мёртвых,
и когда я иду к своей белой постели,
к моей белой постели их тени подходят,

говоря: "Посмотрите на нас,
посмотрите!
Вот таким ваш конец -
всех и каждого - будет!"

А вскоре Ури Цви Гринберг совершил
алию. Думал ли он, что через 16 лет ему
придётся снова бежать из Польши? В
1938 г. по приглашению З.Жаботинского
Гринберг выехал в Варшаву, чтобы редак-
тировать печатный орган ревизионист-
ского движения: газету на идиш "Дер мо-
мент". Но достучаться до сердец трех
миллионов польских евреев, убедить их,
что они находятся в капкане, не удалось
ни Гринбергу, ни самому Жаботинскому.
Вскоре разразилась война, и хотя поэту
посчастливилось с неимоверным трудом,
буквально чудом, вернуться в Эрец-
Исраэль, все его родственники: мать, от-
ец и шесть сестер с их семьями, оставши-
еся во Львове, погибли в Катастрофе.

Потрясенный тем, что его предвиде-
ние самым роковым образом сбылось,
Гринберг во время войны не писал.
Только в 1945 г. он начал публиковать сти-
хи и поэмы, посвященные своим близким
и всем испепеленным в Холокосте евро-
пейским евреям. Одним из таких произ-
ведений стала элегия "Венец плача всему
дому Израйля" - поэма о невиданной на-
циональной трагедии, рассказам о кото-
рой не хотели верить в еврейском ишуве,
и к жертвам которой с презрением отно-
сились гордые сабры:

А у нас, в доме предков, плясали шуты.
У тельцов и телиц были корм и уют.
Было нам не до братьев, до их суеты,
И ломился наш стол от обилия блюд.
Не хотели мы слышать о тех,
кто сожжён,
не хотели терять ни одну из забав.
Обнимали мы каждую ночь наших жён,
на затылке и брюхе слой жира набрав.
Если б наши святые увидеть могли,
устремив к нам залитые кровью глаза,
как из вспаханной заново нашей земли
прорастают колосья и вьётся лоза!
Если б видеть могли, опускаясь в Шеол,
восходящий, мерцающий наш ореол!..
Только что нам резня,
что нам прах мертвецов?
Мы презрительный клеим
на братьев ярлык.
Здесь отрезано много еврейских голов,
но никем не отрезан змеиный язык.

Такое отношение уроженцев Страны
Израйля было обусловлено стремлением
сионистов-социалистов создать поколе-
ние "новых" евреев в отрыве от еврей-
ской традиции и истории. Молодежь ишу-
ва не понимала причин, по которым ев-
ропейские евреи в большинстве случаев
не могли оказать сопротивление. Но для
Гринберга здесь не было ни тайн, ни зага-
док: это был его собственный мир, кото-
рый он любил, который оплакивал, и в
инертности которого, порожденной галу-
том, видел одну из причин его гибели:

В наших долгих скитаньях
что было у нас?
Миллионы мужчин, а с мечом - ни один;

близорукость овечьих испуганных глаз,
синагоги, мезузы, талит и тфилин.
Бесконечной тоскою наполненный мех,
и печаль и тревога, и сдержанный смех,
и пейзаж - как в тумане сиянье луны,
грязь на лицах детей и безгрешные сны,
золотое шитьё вместо красок весны.
Мир, в котором сирень
никогда не цветёт,
где роса, но не виден рассвет голубой,
мир, где бархат и шёлк
и блаженство суббот
в дни, когда не грозят нам резня и разбой.

"Миллионы мужчин, а с мечом - ни
один". Мысль о том, что евреи безропот-
но идут на заклание, невыносимая для
поэта в 1922 году, когда он писал поэму "В
Царстве Креста", и кровью окрасившая
строки стихотворений, написанных в 30-е
годы, когда руководство еврейского ишу-
ва в ответ на арабские нападения призы-
вало к сдержанности, - эта мысль снова и
снова появляется в поэме "Венец пла-
ча...". И хотя Гринберг знал, что евреи в
Европе не могли себя защитить, потому
что у них отсутствовали необходимые
атрибуты независимого народа, потому
что они были застигнуты Катастрофой,
как жители океанского побережья гигант-
ской волной, смириться с этим явлением
он не желал. И поэт задавал себе и своим
читателям, всему еврейскому народу -
Дому Израйля, один и тот же гнетущий
вопрос: "Почему?" Почему это произош-
ло? Как могло случиться такое?

Как случиться могло,
что стояли в снегах
наши жёны нагие с детьми на руках?
И мужья, не прикрыв наготу, без меча,
обречённо глядели в глаза палача?..
Как случиться могло, что поставили их
у дверей, за которыми тьма и конец?
А потом прямо в облако газа, нагих,
затолкали их всех, словно кур и овец.
И когда ангел смерти
им дверь открывал,
был задуренных братьев им виден оскал,
и к печам их еврей полумёртвый таскал.

И неудовлетворенная жажда мести,
которая со времен львовского погрома и
поэмы "В Царстве Креста" не давала
Гринбергу покоя, в его поэзии о
Катастрофе получает дальнейшее разви-
тие, становится постоянной спутницей
его истерзанной души. Как же так?
Закопали в ямах, сожгли в печах, развея-
ли прах в полях Амалека - и нет воздая-
ния?! Как жить, когда образы близких
преследуют ночами, когда не находит ме-
ста в земле неотомщенная кровь?

А убитые наши - они не мертвы!
Ибо каждый из них вместе с нами -
и ждёт,
что наступит расплата за печи и рвы
в день отмщенья,
когда мститель крови придёт.
Даже если б им выбор был дан роковой:
воскрешенье их тел или меч у того,
кто за них отомстит -
отвечал бы любой:
мститель крови с мечом
пусть живёт за него.

Утешенья из них не найдёт ни один,
пока будет взывать к нам из ямы чужбин
неотомщённая кровь их: кармин и рубин.

А народ той земли, где произошла
Катастрофа? Сожалеет ли он о гибели ев-
реев, которые веками жили рядом с ним?
Изменилась ли Польша, или она такая же,
как была до войны?

Эта польская нива всегда в моих снах:
дождь осенний стучит
по сгоревшим телам;
прячут в зимнюю пору снега этот прах,
а весной он ложится под ноги волам.
Счастлив пахарь и весел на этой земле:
режет жирную почву легко его плуг;
добрый хлеб вырастает на нашей золе,
ибо скошено там всё еврейство, как луг.
Как живут там в сиянье весны и любви?
Как журчит родниками
там сладкий таммуз?
Как черешни краснеют на нашей крови?
Как несёт грешный мир
на себе этот груз?

Элегия "Венец плача всему дому
Израйля" вошла в книгу стихов и поэмы
"Реховот ханафар" (Улицы реки), которая
вышла в Израиле в 1951 году. Это был лите-
ратурный памятник Катастрофе, который
воздвиг Ури Цви Гринберг. Название кни-
ги, странно звучащее по-русски, взято из
Хумаша, из книги Берейшит, и означает
полноводье и урожай стоицей, и в этом
названии горькая ирония и трагизм, пото-
му что другой, каббалистический смысл
словосочетания "Улицы реки" - это излия-
ние Божественного света на самом высо-
ком уровне. Но мировая война, когда слу-
чилась Катастрофа, была временем сокры-
тия Божественного света, а полноводье -
реками крови и страха. И мечтая о мести,
поэт понимал: возрождение еврейского
государства, восстановление еврейского
суверенитета и есть настоящее отмщение
убийцам евреев и их пособникам. Мы вер-
нулись в свою страну навсегда, и счастлив
тот, кому выпало быть свидетелем этого:

И тогда мы увидим, что к морю пришли,
где на якорь поставил Магог корабли,
и разбрасывал их по поверхности вод,
и смеялся во весь свой оскаленный рот -
но настал и ему рухнуть в бездну черёд.

Ибо есть для стремящихся
к Царству закон,
для идущих к Нему от начала Времён:
те, кто в пламени боя - у их сыновей
море есть и страна - до скончания дней!

Катастрофа занимает одно из цент-
ральных мест в творчестве Ури Цви
Гринберга, и рамки газетной статьи не по-
зволяют достаточно широко осветить эту
тему. Она - материал для серьезного ис-
следования. Я рад, что мне удалось пере-
вести на русский язык поэму "В Царстве
Креста", а также поэму "Венец плача все-
му дому Израйля" и еще три поэмы из
книги "Реховот ханафар". Но это заслуга
прежде всего тех, кто оказывал мне по-
мощь и поддержку на всех этапах работы.
Им я приношу свою глубокую благодар-
ность.

Иосиф ФИНКЕЛЬШТЕЙН

(Окончание)

КОПШИЦЕР Иезикиил Зиновьевич, 1901 г.р., Ростов-на-Дону. Майор м/с. Начальник полевого подвижного госпиталя № 875. Из наградного листа: "В период летней наступательной операции 1944 года госпиталь т. Копшицера был выслан на усиление в 49-ю армию. Пройдя с армией около 900 км тов. Копшицер, несмотря на исключительно частые передислокации, организовав эшелонированную работу госпиталя, обеспечил прием и оказание хирургической помощи 2065 чел.". Награжден орденами Красного знамени и Красной звезды.

КОСОЙ Илья Маркович, 1898 г., Николаев. Майор м/с. На фронте с июля 1941 г. Призван Ступинским РВК Московской обл. Начальник военного госпиталя № 447 в составе 3-го Прибалтийского фронта, в ноябре 1944 г. возглавил эвакуационный отдел управления медицинского эвакуационного фронта. Из служебных характеристик: "Майор м/с Косой обеспечил быстрое развертывание госпиталя во Пскове, приняв и оказав высококвалифицированную помощь 900 раненым и больным... За 15 дней августа 1944 г. госпиталем принято и обслужено 1300 раненых, произведено 1200 хирургических обработок, более ста сложных операций... В дни наступательных операций войск нашего фронта в Восточной Пруссии тов. Косой показал образцы работы по организации приема и эвакуации раненых. Умело организовал бесперебойный поток раненых по всем путям эвакуации: по железной дороге, автомашинами и самолетами, лично руководил и контролировал работу эвакуационника и сортировочного госпиталя Белостока. За 18 дней госпитальная база в Белостоке пропустила около 15 тыс. раненых, принимая в день по 2-3 санитарных летучки и отправляя в тыл по 2-3 санитарных поезда..." Награжден орденами Отечественной войны 2-й ст. и Красной звезды.

КРАВЕЦ Давид Абрамович, 1897 г.р., Ташкент. Майор м/с. Кандидат медицинских наук. В действующей армии с 1941 г. Последовательно возглавлял в составе Ленинградского фронта эвакуационный госпиталь №№ 1116, 1011, 4177, 1015. Из служебной характеристики: "Сумел в трудных условиях блокированного города организовать в специализированном госпитале хирургии головы полноценное обеспечение лечебной помощью и в хозяйственно-бытовом отношении вверенных ему раненых бойцов и командиров..." Награжден орденом Красной звезды и медалью "За оборону Ленинграда". В 1985 г. к 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны 2-й ст.

КРИНСКИЙ Борис Карлович, 1909 г.р. Подполковник м/с. В Красной армии с 1931 г. Призван Бакинским ГВК. На фронте с 1941 г. Начальник госпиталя легкораненых № 3037 в составе 1-й Ударной армии. Из наградных листов: "За время работы тов. Кринского (апрель 1942 г. - январь 1943 г. - И.Ф.) в госпитале возвращено в строй более 8000 раненых бойцов и командиров... Большую дисциплинированность состав госпиталя проявил при налете вражеской авиации 5-6 августа и артобстрела 8-10 ав-

СОЛДАТЫ МИЛОСЕРДИЯ – 2

густа 1944 г. Все службы госпиталя продолжали свою плановую работу, весь личный состав находился вместе с ранеными, и все было организовано для немедленной помощи пострадавшим..." Награжден орденами Отечественной войны 2-й ст. и Красной звезды.

ЛЕВИН Вениамин Моисеевич, 1901 г.р., г. Слуцк Минской обл., Белоруссия. На фронте с августа 1941 г. Призван Ленинградским ГВК. Майор м/с. Начальник э/г № 2751. Из служебной характеристики: "Произведена большая лечебная работа, особенно в период операции на Могилевском направлении. Несмотря на большую загрузку госпиталя, проводилась работа по повышению квалификации врачей в области военно-полевой хирургии и по узким дисциплинам..." Награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны 2-й ст.

ЛЕВИН Вениамин Соломонович, 1899 г.р., Санкт-Петербург. Майор м/с. Призван в 1941 г. Ростовским ГВК. Начальник э/г № 1846. Из наградного листа: "На должности начальника госпиталя показал себя как хороший организатор-специалист и опытный администратор... За время Отечественной войны в госпитале получили квалифицированную хирургическую помощь более 21000 тяжело раненых в грудь и живот". Награжден орденом Отечественной войны 2-й ст.

ЛЕВИТ Юрий Владимирович, 1890 г.р., ст. Талалиевка Роменского района Полтавской обл. Майор м/с. На фронте с июня 1941 г. Доброволец. Начальник э/г № 1814 в составе 2-го Белорусского фронта. Из наградного листа: "За время боевой операции войск фронта госпиталь справился с тяжелым контингентом раненых в бедро и живот до 800 человек, обеспечив своевременную их хирургическую обработку". Награжден двумя орденами Красной звезды, орденом Отечественной войны 2-й ст.

ОСТРОВСКИЙ Марк Иосифович, 1908 г.р., Белая Церковь Киевской обл. Подполковник м/с. В Красной армии с 1929 г. На фронте с 1941 г. Начальник военного госпиталя № 409. Из фронтовой характеристики: "Островский обеспечил высокую по-

становку всей медицинской работы в руководимом им специализированном госпитале, где профилированы ушное, глазное, челюстно-лицевое и нейрохирургическое отделения". Награжден орденом Красной звезды.

ПАЛЕЙ Рувим Аронович, 1900 г.р., Днепропетровск. В Красной армии с 1941 г. Призван Ленинградским ГВК. Начальник последовательно э/г №№ 75 и 1012 в составе Ленинградского фронта. Из служебной характеристики: "Ввел в практику лечебной работы новые эффективные методы лечения... Лично руководил вопросами переподготовки, подготовки и обучения медицинского персонала..."

ПЕВЗНЕР Наум Михайлович, 1905 г.р., г. Климовичи Могилевской обл. Майор м/с. На фронте с 1941 г. Призван Смоленским ГВК. Начальник э/г № 1980. Из представления к правительственной награде: "При отсутствии помещений личный состав, имущество и оборудование были выгружены в поле. Приходилось рыть землянки для размещения раненых и личного состава. Более 1000 коек было развернуто в землянках, вырытых и оборудованных собственными силами. За период с 15.9.44 г. по 1.2.45 г. госпиталь принял и обработал 8060 раненых и больных, в основном по профилю ранение головы". Награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 2-й ст.

ПОЛУНСКИЙ Вениамин Борисович, 1898 г.р., г. Кунгур Пермской обл. В Красной армии с 1941 г. Доброволец. Майор м/с. Начальник последовательно э/г №№ 1988 и 1326. Из наградного листа: "Лично руководит всей лечебной работой госпиталя, является одним из лучших хирургов фронтовой госпитальной базы... Кроме общего руководства как начальник госпиталя, майор Полунский ведет большую хирургическую и научную работу... Самим лично проведено 1058 операций". Награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й ст.

РОЗИН Лев Яковлевич, 1897 г.р. Майор м/с. Из наградного листа: "Майор м/с тов. Розин с первых дней Отечественной войны руководит вверенным ему госпиталем. Сформировав в июне 1941 года госпиталь

в г. Брянске и получив раненых, т. Розин вынужден был эвакуировать госпиталь вместе с ранеными в прифронтовой район. В период эвакуации, несмотря на интенсивный обстрел и бомбардировку противником, госпиталь не потерял ни одного раненого. В период Львовской операции госпиталь принял более 300 тяжелейших раненых с газовой гангреной. Будучи непригодным для лечения тяжелейшего контингента, госпиталь отлично справился, не получив ни одной жалобы на уход и лечение раненых". Приказом Военного Совета 1-го Украинского фронта за № 72/н от 18 мая 1945 г. Розин награжден орденом Красной звезды.

РОГАЛИНА София Абрамовна, 1899 г.р., Москва. Майор м/с. На фронте с июня 1941 г. Из наградного листа: "Рогалина - врач большого опыта. До войны - организатор здравоохранения Московской области. До декабря 1944 г. работала начальником медицинского отделения госпиталя № 1916, а с декабря 1944 года выдвинута на должность начальника этого же госпиталя. Опытный, энергичный и инициативный руководитель. На нее было возложено задание переформировать госпиталь № 1916 из хирургического в туберкулезный. Рогалина быстро и успешно справилась с этой задачей и к началу зимнего наступления 1945 г. госпиталь Рогалиной был полностью готов к приему больных с фронта. С 12 января по март госпиталь Рогалиной принял и обслужил 2900 тяжелых больных. В самые тяжелые периоды перегрузки госпиталь работал четко и слаженно, не снижая качества лечебной работы". Награждена орденом Красной звезды.

РУВИНСКИЙ Владимир Захарович, 1891 г.р. Майор м/с. В Красной армии с 1919 г. Начальник э/г № 1111 в составе 1-го Украинского фронта. Из служебной характеристики: "Благодаря его необычайной энергии и инициативе госпиталь восстановил боеспособность многих тысяч раненых и больных..." Награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны 2-й ст.

СОКОЛОВСКАЯ Вера Ильинична, 1905 г.р., Харьков. Майор м/с. На фронте с 1941 г. Начальник э/г № 2675. Из наградного листа: "В 1944 г. Соколовская приняла инфекционный госпиталь в чрезвычайно запущенном состоянии, который быстро привела в надлежащий порядок, уделяя большое внимание лечебному процессу, постоянно ориентировала подчиненный ей штат на более эффективные методы лечения..." Награждена орденами Отечественной войны 2-й ст. и Красной звезды.

СОЛИТЕРМАН Морис Львович, 1894 г.р. Кандидат медицинских наук. Полковник м/с. В Красной армии с 1919 г. В годы войны последовательно возглавлял госпитали №№ 59, 4174, 261. Из служебной характеристики: "Является опытным военно-санитарным работником, совмещая в себе качества квалифицированного клинициста-терапевта и умелого руководителя. В суровую зиму 1941-1942 гг. Солитерман проявил много инициативы, умения и самоотверженности... Во время артобстрелов и

авианападения противника тов. Солитерман, не теряя мужества и самообладания, принимал действенно энергичные меры, чем предупреждал возможность жертв". Награжден орденом Красной звезды, медалью "За оборону Ленинграда".

СУСЛОВИЧ Борис Рафаилович, 1889 г.р., Москва. На фронте с 1941 г. Призван Рязанским ГВК. Майор м/с. Начальник э/г №3280. Из наградного листа: "Воспитанный им коллектив готов выполнить любую задачу... За период Отечественной войны через госпиталь прошло более 21 тыс. раненых..."

ФАРБЕР Абрам Исаакович, 1902 г.р., х. Лопандино Севского района Орловской обл. Подполковник м/с. В Красной армии с 1919 г. Этапы боевого пути: начальник санитарного отдела 3-й Армии с 3 июля 1941 г. по 22 февраля 1942 г.; начальник полевого подвижного госпиталя № 2294 Калининского фронта с февраля 1942 г. по октябрь 1942 г.; начальник э/г № 1757 с октября 1942 г. до конца войны. Из служебной аттестации: "Подполковник м/с Фарбер, кадровый военный врач, умело руководит лечебной и хозяйственной деятельностью одного из крупнейших госпиталей 1-го Прибалтийского фронта... В госпитале организовано комплексное лечение раненых всеми современными методами". Награжден орденами Отечественной войны 2-й ст., Красной звезды.

ФРЕЙДЛИН Соломон Яковлевич, 1903 г.р., Курск. Майор м/с. На фронте с первых дней войны. Призван Октябрьским РВК Ленинграда. Начальник э/г № 2011 Ленинградского фронта. Из наградного листа: "Военврач Фрейдлин за время Отечественной войны сформировал два полноценных эвакуогоспиталя №№ 2011 и 928. Самоотверженно и инициативно работал над созданием условий, способствовавших скорейшему восстановлению здоровья раненых. В тяжелых условиях Ленинграда эвакуогоспиталь №1011 бесперебойно имел свет, тепло, воду и питание". Приказом Военного Совета Ленинградского фронта за № 1623/н от 18 июля 1942 г. награжден орденом Красной звезды.

ФРЕНКЕЛЬ Марк Моисеевич, 1894 г.р., г. Бар Винницкой обл. Майор м/с. На фронте с июля 1941 г. Призван Ленинградским ГВК. Начальник э/г № 1114. Из служебной характеристики: "Дисциплинированный, хороший организатор, прекрасно знающий лечебное дело, умелым руководством и большим трудолюбием достиг хороших результатов в борьбе за снижение летальности..." Приказом Военного Совета Ленинградского фронта за № 2103/н от 6 декабря 1943 г. награжден орденом Красной звезды.

ХАЛАМЕЙЗЕР Залман Меерович, 1902 г.р. Военврач 3-го ранга. На флоте с 1931 г. В годы войны начальник госпиталя госпитального судна "Каманин" в составе Пинской военной флотилии. Из представления на награждение: "25 августа с.г. (1941 г. - И.Ф.) госпитальное судно "Каманин" следовало в составе отряда кораблей, прорывающихся мимо закрепившегося на берегу в районе моста Печки пр-ка. На борту находилось 21 чел. раненых и 4 больных бойца. При проходе моста Печки по судну был открыт артиллерийский и пулеметный огонь.

Врач т. Халамейзер находился во время обстрела среди раненых, подбадривая их и оказывая им необходимую помощь. 26 августа корабль трижды подвергался бомбардировке самолетов пр-ка. Тов. Халамейзер организовал и руководил выносом раненых на берег, правильно рассредоточил их, благодаря чему не было жертв, несмотря на то, что фашистские летчики вели пулеметный огонь с небольшой высоты..." Награжден орденом Красной звезды и медалью "За боевые заслуги".

ХАЮТИН Михаил Владимирович, 1894 г.р., Гомель. Подполковник м/с. В Красной армии с 1939 г. Призван Смольнинским РВК Ленинграда. На фронте с первых дней войны. Начальник э/г № 268. Из наградного листа: "Под его руководством госпиталь проделал большую работу в период блокады Ленинграда по лечению огнестрельных ранений кисти, пропустив за это время 29500 раненых с возвращением в строй 23100 чел. По прибытии из Ленинграда в г. Бромберг (Быдгощ в Польше. - И.Ф.) госпиталь быстро развернулся и освоил помещения казарм и конюшен... За время последней боевой операции 2-го Белорусского фронта госпиталь принял 3123 раненых, сделано 452 операций". Награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й ст., медалью "За оборону Ленинграда".

ЧЕРНЯВСКИЙ Павел Вольфович, 1898 г.р., г. Лозовая Харьковской обл. Майор м/с. На фронте с конца июня 1941 г. Начальник э/г № 3442 в составе 1-го Украинского фронта. Из наградного листа: "В период наступательной операции госпиталь перебазировался в крайне тяжелых условиях в Ченстохов. Под руководством т. Чернявского в короткий срок был создан вновь госпиталь для тяжелейших раненых, которым была оказана своевременная медицинская помощь..." Награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 1-й ст.

Из мартиролога военных медиков

К началу войны в армии проходили службу 12418 врачей. В ходе войны из запаса было призвано свыше 80 тысяч врачей. Потери среди военнослужащих медиков составили около 211 тыс. чел., в том числе безвозвратные - 85 тыс. чел, из них 5 тыс. врачей, 9 тыс. средних медицинских работников, 23 тыс. санитарных инструкторов, 48 тыс. санитаров и санитаров-носильщиков. В числе погибших в боях, пропавших без вести, погибших во вражеском плену, умерших от ран более 6 тыс. медиков-евреев.

(Сведения приведены по публикации Ильи Никберга "Медики-евреи на фронтах Великой Отечественной войны".

Опубликована на сайте "Журнал-газета "Мастерская" в 2015 г.)

Хотелось бы всех поименно назвать, но это тема отдельного исследования. Приведем небольшой список погибших в надежде на отклики родных и близких.

АБРАМОВИЧ Меер Абрамович, 1893 г.р., еврейская колония Трудолюбовка, Запорожская обл. Военврач 2-го р., ордина-

тор полевого подвижного госпиталя № 2319. Пропал без вести в 1941 г.

АВЕРБАХ Иосиф Давыдович. Военврач 3-го р., зубной врач. Воевал в составе механизированной бригады на Юго-Западном фронте. Пропал без вести до октября 1941 г.

АДАИНСКИЙ Маркус Михайлович, 1912 г.р., Днепропетровск. Призван из Москвы. Военврач 3-го р., начальник санчасти полка. Погиб в бою летом 1942 г.

АЙЗМАН Мордко Пинхусович, 1907 г.р. Санинструктор. Погиб в бою.

АЙНГОРН Файва Вениаминович, 1910 г.р. Санитар. Умер от ран.

АКСЕЛЬРУД Герша Лейбович, 1910 г.р. Санинструктор. Пропал без вести.

АНБИНДЕР Полина Самойловна. Военврач 3-го р. Ординатор 138 медсанбата 135-й стр. див. Юго-Западного фронта. Пропала без вести.

БЕЙДЕР Яков Иосифович, 1915 г.р., Могилев-Подольский Винницкой обл. Рядовой, санитар 52-й отд. стр. бр. Погиб в бою 22.10.42 г. Похоронен в г. Сталинград.

БЕЙЛИС Яков Хаимович, 1918 г.р., фельдшер. Погиб в бою в 1941 г.

БЕКЕРМАН Борис Григорьевич, военврач 2-го р., хирург, воевал в составе Приморской армии. Погиб при защите Севастополя.

БЕККЕР Рафаил Михайлович, 1904 г.р., г. Стерлитамак, Башкирия. Военврач 2-го р. Погиб при эвакуации госпиталя из Киева.

БЕРЕНШТЕЙН Яков, 1903 г.р., Житомир. Военврач, попал в плен 22.9.41 г. в районе нп Оржица. Погиб в фашистском плену в марте 1942 г.

БЕРЛИН Борис Григорьевич, 1915 г.р., г. Ворошиловград. Военврач. Погиб в бою. Похоронен на территории Смоленской обл.

БЕРШИЦКИЙ Абрам Юльевич, 1890 г.р., Лубны Полтавской обл. Майор м/с, начальник э/г № 5469. Погиб на фронте в 1944 г.

БЕРШТЕЙН Ихиль Шмилевич, 1919 г.р., с. Уланов Винницкой обл. Призван Днепропетровским ГВК. Военврач 3-го р., командир санитарного взвода 488 отд. медсанбата 383 стр. див. Погиб в бою в 9.10.42 г. Похоронен в Краснодарском крае. Мать Берштейн Фейга Ицковна в годы войны проживала в г. Уфе.

БИНДМАН Самуил Моисеевич, военврач. Пропал без вести в 1944 г.

БЛЯХМАН Лазарь Яковлевич, 1900 г.р. Военврач, начальник хирургической группы, воевал на Западном фронте. Погиб в бою.

БУРДМАН Герш Михлевич, 1901 г.р., с. Песчанка Винницкой обл. Санитар в военном госпитале. Пропал без вести в июле 1944 г.

БУРМАН Илья, 1922 г.р., Черкассы. Ст. лейтенант м/с, ст. фельдшер. Погиб в бою в 1945 г.

БУХМАН Абрам Рафаилович, 1920 г.р., Киевская обл. Военфельдшер. Пропал без вести в 1941 г.

БУХМАН Семен Ефимович, 1921 г.р., Горький. Гв. ст. сержант, санинструктор. Воевал в составе 11 гв. кавполка. Погиб в бою в 1944 г.

ВАЙНБЛАТ Борис Наумович, 1915 г.р. Военврач 3-го р. Воевал в составе 384 стр. полка 157-й стр. див. Пропал без вести в 1942 г.

ВАЙНШТЕЙН Давид Иосифович, 1915 г.р., г. Киев. Военврач 283 стр. полка. Пропал без вести в 1941 г.

ВЕЙЦЕР Исаак Фроимович, 1914 г.р., г. Проскуров. Военфельдшер. Погиб в бою в декабре 1941 г.

ГОЛЬДФЕДЕР Анисим Абрамович, 1904 г.р., д. Анга Иркутской обл. Военврач 2-го р., начальник хирургического отделения полевого подвижного госпиталя № 66. Погиб в плену.

ГРАНОВСКАЯ Татьяна, г. Одесса. Военврач. Попала в плен. Расстреляна фашистами.

ДРУКАР Лев Павлович, 1895 г.р. Военврач 2-го р., начальник полевого подвижного госпиталя № 28. Пропал без вести в 1942 г.

КАРАСИК Мария, Караганда. Военврач. Попала в плен, расстреляна фашистами;

КЕЙМАХ Савва Моисеевич, 1890 г.р., Одесса. Военврач 1-го р., начальник хирургического отделения 268-го полевого подвижного госпиталя Приморской армии. Погиб в 1942 г. во время обороны Севастополя.

КИСЕЛЕВ Хаим Исаакович, 1907 г.р. Военврач 3-го р., начальник санитарной службы канонерской лодки "Красный Аджаристан" в составе Черноморского флота. Пропал без вести в июле 1941 г.

КОФМАН Валентин Соломонович, 1901 г.р., Одесса. Военврач 1-го р., армейский хирург Приморской армии. Погиб в 1942 г.

МАРМЕРШТЕЙН Александр Маркович, 1905 г.р., Одесса. Военврач 2-го р. Начальник санитарной службы 7-й бр. морской пехоты. Погиб на Перекопе в октябре 1941 г.

МУЧНИК Моисей Ефимович, 1896 г.р., Тирасполь. Военврач 3-го р., начальник лазарета 181-го Тираспольского укрепрайона. Пропал без вести в 1941 г.

ПОЛИССКАЯ Анна Яковлевна, 1904 г.р. Военврач 3-го р. Добилась назначения в 7-ю бр. морской пехоты на должность начальника санитарной службы вместо погибшего 30 октября 1941 г. Мармерштейна А.М. Погибла 3.7.42 г. в Севастополе.

ПОРТНОЙ Шимон Аронович, 1921 г.р., г. Гайсин Винницкой обл. Рядовой, санинструктор. Пропал без вести в июне 1944 г.

РАБИНОВИЧ Анатолий Аронович, 1906 г.р., Винница. Врач-хирург, начальник хирургического отделения полевого подвижного госпиталя. Погиб в сентябре 1941 г. под Харьковом.

РАУХВЕРГЕР Борис Рафаилович, Ворошиловград. Майор м/с. Умер от ран 8.5.44 г. Похоронен в с. Трикратное Вознесенского района Николаевской обл.

ТЕПЛИЦКИЙ Натан Петрович, 1914 г.р., Винница. Военврач 3-го р., командир медицинской роты медсанбата 244 стр. див. Погиб на Волжской переправе. Похоронен в г. Сталинград.

ФЕЙГИН Илья Маркович, 1916 г.р., Полоцк. Старшина, санинструктор в 322 мнометном полку. Погиб в бою в 1944 г. Похоронен в Нарвском районе, Эстония.

ЦИНБАРГ Исаак Львович, 1894 г.р., с. Ляховцы Белогорского района Хмельницкой обл. Военврач. Пропал без вести в 1941 г.

ЦИНГЕР Абрам Алишевич, 1915 г.р. Военврач 3-го р., командир санитарного взвода 135-й стр. див. Погиб 7.7.42 г.

Окончание. Начало на стр. 1

Нейман не только зрелостью мысли, но и живописностью изображения, что далеко не всегда совпадает". И познакомил с Кугультиновым. По прошествии лет известный калмыцкий поэт Давид Кугультинов, прочитав свои стихи в переводах Юлии Нейман, простодушно признался: "Вот уж не знал, что я, оказывается, такой хороший поэт". И в благодарность добился, чтобы одной из улиц в городе Элиста присвоили имя Юлии Нейман.

Юлия Моисеевна Нейман родилась в 1907 году в Уфе, в семье врачей. Отца звали Моисей Соломонович Нейман, а мать - Мэра Беньяминовна Буровая. Начало XX века застало семью деда, Беньямина Бурового, знатного на Урале меховщика, в Уфе. Отец же Юлии в 1902 году держал путь из тогдашней Митавы (с 1917 - Елгава, Латвия) на восток, направляясь в качестве врача в Маньчжурию, где находились российские войска, но в дороге заболел тифом и попал в ту же Уфу. "Так и встретились мои родители, - писала мне Юлия Нейман, - и никакого еврейского воспитания к моему приходу на свет в семье уже не было". Тем удивительнее, что, говоря о своей родословной, она раскручивает ее к библейскому началу, к тому предку, что "был беден и ничем не знаменит. Он сеял хлеб. И собирал, посеяв, скупую жатву". Потом поэтесса представляет его постаревшим и умудренным, склонившимся, как видно, над перепиской священных текстов: "...И стал в обитель познавания вхож. Я вижу своды. Слышу запах кож. Так пишет он с восхода до заката. Склонился низко профиль хрящеватый. Мессию зрит настороженный глаз, А ухо вопиющий слышит глас..."

Перед нами богобоязненный еврей, потомки которого, увы, забыли веру отцов, однако некоторые заповеди хранили и передавали из поколения в поколение: "И хоть не все из них молились богу, Их скромный труд вращался на оси Трех заповедей, соблюденных строго: Трудись. Не лсти властям. Не доноси".

Это - о более дальних предках, а следующее стихотворение - повесть об отце-враче, которого Юлия Нейман всю жизнь боготворила, на фоне событий целой эпохи. Его мы приведем полностью:

*Отец играл Шопена.
Так едва ль
Положено. Отнюдь не виртуозно.
Быть может, слишком громко.
Слишком грозно
И часто нажимая на педаль.*

*Но в этом я разобралась потом...
Тогда - кто мог с ним
для меня сравниться?!
И позже - ни Нейгауз, ни Софроницкий
Таким не пробирали холодком,*

*Арпеджио из-под небыстрых рук,
От частого мытья шероховатых...*

*Эвакупункты... Духота в палатах
От йодоформа, от смиренных мук,*

*От прочего, чего в года войны,
На фронте, на тифу и на холере -
Отец мой нахлебался в полной мере...*

*Он жал педаль...
Все заглушить должны
Мелодии...
Уничуждения плоти,
Несовершенных знаний наших срам...
Казалось, что не по своей охоте
К Шопену он взывал по вечерам,
Невольно утверждая в каждой фразе
Существование непонятных сил, -
Все то, что днём
Он, медик, относил
К числу им презираемых "фантазий"!*

Совершенно замечательный образ: как будто и сам чувствуешь шероховатость ладони врача-хирурга. А потом его руки с нежностью и тысячей других чувств коснутся клавишей рояля...

В доме говорили по-немецки, позднее - по-русски. Знание немецкого поможет и в переводах с еврейского. С детства запомнилось семейное чтение Шолом-Алейхема. "Кажется, - писала мне Юлия Моисеевна, - произведение называлось "Кровавая шутка". И еще из письма: "Помню разговоры в семье о деле Бейлиса. Сути я, конечно, не понимала, но разговоры в памяти остались". Пройдут годы, и Юлия Нейман напишет: "Как распинали вас! И как дробили! Как превращали в пепел, пыль и прах!" И в другом месте: "С кого, душа, спросить в глухой ночи?! С младых ногтей тебя пытали ложью, Плетьюми стегали и сожгли в печи..." Пока не было этих печей, можно было подумать, что поэтесса плачет по судьбе народа, именовавшегося то русским, то собирательно, советским. Но печи - это уже еврейская тема, страница "Черной книги".

Читая в воспоминаниях поэта и переводчика Якова Хелемского (1914-2003), что Юлия Нейман, сверстница, сокурсница и друг Арсения Тарковского и Марии Петровых, "собиралась надиктовать несколько страниц об Ахматовой" ("Вестник", № 9 (320), 30 апреля 2003 г.), я сожалела, что не успела сказать ему (спустя четыре месяца после этой публикации его самого не стало), что Юлия Моисеевна все-таки надиктовала свои воспоминания, вот они у меня на кассете... Но давайте по порядку...

В начале 1990-х годов я познакомилась с сестрами Буровыми. Сначала с двумя, жившими в Израиле с конца 20-х годов прошлого века: Фаня - в кибуце Кфар-Гилади, на границе с Ливаном, Фира - в мошаве под Нетанией, а через некоторое время - и с двумя другими, Раей и Бадей, новыми репатриантками, которые как сионистки долгие годы провели в советских тюрьмах и лагерях и только в конце жизни приехали в Израиль. Москвичка Юлия Нейман оказалась их родной племянницей. Их отец был братом матери Юлии. Хоть и говорят, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Радиопередача о Юлии Нейман вышла в эфир в январе 1993 года, позже я ее обновляла. "Какое счастье!" - сестры Буровые были довольны, что я успела.

Улица им. Юлии Нейман в Элисте

Все четыре еще были живы. И я так думаю сегодня, ведь мы так часто не успеваем. Кто послал Юлии Моисеевне кассету - они или я сама, не помню. Впервые ей лично и ее творчеству была посвящена "целая, отдельная, именная" передача, а стихи звучали на музыку Шопена, и я как будто видела доктора Неймана за фортепьяно, и он внимает стихам своей дочери. А особенной радостью стало для нее узнать, что я люблю и творчество ее ближайшей подруги - для меня Марии, для нее Маруси, Петровых. Тогда-то она выразила желание и готовность рассказать и об А.Ахматовой. Но - рассказать, а не написать - то ли не хотелось, то ли мало сил оставалось, а я же видела ее изменившийся почерк, если сравнить с правками на полях машинописных страниц со стихами разных лет, но ведь не думала об этом, да и кто тогда мог знать... Общение с сестрами продолжалось, переписка с Юлей - реже, и я уже называла ее только по имени, несколько раз со слов поэтессы записывал Лева, сын Раи, одной из сестер Буровых. О себе он мало рассказывал, но со временем я узнала, что этот милый и добрый человек, Лев Брук, известный в России и за ее пределами ученый, доктор химических наук, профессор. Он находил время не только записывать за своей кузиной, но и делиться своими мыслями о природе антисемитизма, о генетическом чувстве принадлежности к своему народу.

Из письма Юлии Нейман: страница "Мое еврейство играло, по-видимому, роль дополнительного отрицательного фактора..." Уж какая доверительная дружба связывала ее с Марией Петровых и Арсением Тарковским, а на эту тему и с ними не говорилось. Хочется сказать и некому сказать. Еврейская тема, как камешек, всегда была на донышке бокала, и собралось тех камешков, пожалуй, на целый сборник. Даже в третьей книге "Причуды памяти", самой полной, это 1988 год, стихов на еврейские мотивы практически нет. Они были мне любезно присланы специально для той радиопередачи.

Несколько раз замечала странную особенность в ее стихах: в одном сочине-

нии задаться вопросом, ответ на который обнаружишь в другом, как золотое колечко, скатившееся по ступенькам одного пролета, найдется через два.

Пусть (в русской традиции) она называется патриарха Ицхака Исааком, а Ривку - Ревеккой, но материал чувствует по-своему, осмысливает глубоко и "живописностью изображения" владеет в полной мере. Пунктиром: умерла премудрая Сарра и грустит ее сын Исаак - "Страшно в мире осиротелым!.. Знала мать - лишь она одна, - В этом мире скорби и страха, Как глубоко уязвлена С юных лет душа Исаака. Ибо, связан и обнажен, Ни пред кем ни в чем не виновен Под отцовским смертным ножом Он лежал, как жертвенный овен. - Прав ли Ты, о, Господи сил! - Исаак взывает доньше, - Ты отца тогда пощади, Но зачем Ты забыл о сыне?! <...> В каждом мне мерещится враг. С кем, скажи, свою боль избуду?! И возвел глаза Исаак, И увидел: идут верблюды!"... И той же картиной идущих по пустыне верблюдов начинается следующее повествование - о Ривке-Ревекке. Оно чарует музыкой и сценографией, увлекая читателя-зрителя на сцену, в театр:

*"Шли верблюды, покачивая
Перегнувшимися горбами, Шли верблюды,
пожевывая Смеющимися губами. И
качаясь, они прикрывали Свои воспаленные
веки, И дремалось Ревекке, Все время
дремалось Ревекке.*

Но внезапно она Пробуждалась тревожно и странно: что свершается с нею - Любимой сестрою Лавана? Кто велел ей собраться? Чья неодолимая сила Увела ее из дому - Юную дочь Вафуила?

Напрягает Ревекка Дремотную память свою: Началось у источника. Раб, неизвестный по имени, Вел усталых верблюдов, И вдруг говорит: - Напои меня! И послушно она Отвечала ему: - Напою.

Вспоминает Ревекка: "А может быть, все это снится? Может, только мерещится В зыбком полуденном бреду?" - В Ханаанскую землю Невестой пойдешь ли, девица? И, себе удивляясь, она отвечала: - Пойду".

Это из дорогих Юлии Нейман "еврей-

ских стихов", там и Юдифь, и Кумраны, но и Илья Эренбург, Самуил Галкин...

О встречах с Анной Андреевной Ахматовой. Я раздумывала, кого бы попросить в Москве записать ее рассказ. Тормозить занятого в тот период выше головы Льва Брука было неудобно. Но к тому времени по моей просьбе к Юлии Нейман уже несколько раз приходил пианист, музыковед и добрейший человек Борис Погреб (сын поэта Сары Погреб). Они подружились, и Боря принял самое активное участие в ее жизни - в последний и труднейший период. Он охотно вызвался записать ее голос на кассету и затем прислать мне ее в Израиль. Я уже поняла, как тяжело дается Юлии сам процесс писания, и новости о ней узнавала теперь не от сестер Буровых и не от Левы Брука, а именно от Бориса Погреба.

И вдруг звонок из кибуца Кфар-Гилади. Бадя, младшая из сестер Буровых, огорошила: "Юлька просит прислать ей вызов в Израиль. Ни одна из нас, сестер, не в состоянии этого сделать..." Они живут далеко от центра, у всех проблемы со здоровьем, просить помощи не у кого, кроме как... у меня. Пройдет время, и музыковед Павел Охвидин, тогда еще незнакомый мне, напишет: "Я полагал, что поэтесса Юлия Нейман для Вас, как для музыковеда - Брамс или Шостакович. Да, он знает биографию своего героя, но воспринимает ее отстраненно... Признаться, я и не подозревал, что Вы столь близко к сердцу принимали все обстоятельства последних лет жизни тети Юли и вообще о них знаете... Тогда, когда Юлия Моисеевна просила у Вас вызова, никого из нашей семьи здесь в Израиле еще не было". Павел оказался племянником Юлии со стороны ее отца, Моисея Соломоновича Неймана, но родственные связи в семье, так я поняла, давно уже были порушены. Разумеется, я согласилась послать вызов, узнала, какие данные о себе Юлия Моисеевна должна мне прислать, и написала ей пространное письмо, в котором объясняла, что в кибуц ее по возрасту не примут, но что пожилые репатрианты получают помощь, а если ей удастся продать квартиру, то это будет замечательно, потому что значительно легче будет на первых порах арендовать не просто квартиру, а хорошую квартиру и в центре. Письмо, отправленное мною в Москву, я обнаружила в экземпляре книги Юлии Нейман, подписанном Боре Погребу, который он передал мне при встрече, узнав, что свой экземпляр мне пришлось отдать в библиотеку - как обычно после передачи, слушатели-читатели хотели ближе познакомиться с творчеством поэта, а купить книгу "Причуды памяти" негде было. Письмо датировано 3 ноября 1993 года. И время как будто пошло вспять. Цитировать себя, право, нелегко, но вспомнилось, как удивляло в то время, что "весь Израиль" - на улицах, в автобусах, в банке, на пляже - заговорил вдруг по-русски. Поэтому на решительный тон Юлии Моисеевны: "Арабов я не боюсь!" не отреагировать никак нельзя было, и я читаю в своем письме: "Вы думаете, идешь по улице, а вокруг одни арабы? Ничего подобного: идешь по улице, а во-

круг одни евреи или... русские, которые тоже почти все евреи".

При этом Россию искренне любила, обращаясь к ней лично, как еврей к Всевышнему: "Пусть по паспорту - инородка я, Не твоя ли во мне печаль? Не в тебя ли я - сердцем кроткая, И гневливая не в тебя ль?!", а заканчивала стихотворение "России", как истинный патриот: "Сколько б сору вокруг ни плавало, Ты ни в чем не повинна, Русь!". Она бы, как Лермонтов, не сказала: "Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ!". Интересно, живи он сегодня, исходя из реалий первой четверти XXI века, не уловил бы иронии в названии своего романа "Герой нашего времени"? И Русь другая, и герои ее непонятно кто...

Узнав от Марии Петровых о том, что ее любимый ученик, а потом и друг Толя Якобсон, педагог, поэт и переводчик, покончил с собой в Израиле, Юлия Нейман, потрясенная как все, кто его знал и любил, реагировала "по-советски" - одна за всех. "Приказали" ведь уезжать из СССР единицам, тысячи боролись за разрешение сделать это. Юлия Нейман в стихотворении "Изгнанникам": "Вас мучит голод по друзьям былым, По горькой и горючей мешанине, Той, что осталась родиной и ныне, С которой жребий ваш - неразделим. Вам приказали распрощаться с ней. Разлуку вам как милость даровали, Подозревая, что она страшней, Чем казнь, чем смерть в глухом подвале..." В то время как все близкие - родные и друзья Толи Якобсона - знали о его проблеме. Ностальгия, тоска по друзьям? Безусловно! Но "психическая болезнь это подлая, вероломная вещь" (слова сына Александра), попытка суицида была не первой, эта удалась...

Из стихов поэтессы: "...А кто привержен к слову - для того Язык по силе не уступит крови, Обязывая больше, чем родство. Затем, что изначально мира - в Слове". Позволю себе надеяться, читателю понятно, почему желание Юлии Нейман переехать в Израиль стало для меня неожиданностью.

Прошло совсем немного времени, и тут Боря сообщил мне, что Юлия Моисеевна упала, стала лежачей больной, почти совершенно не ходит. Ничего не сломала, но сильно ушиблась. Муж дочери Ирины тоже инвалид, поэтому дочь не может ухаживать за матерью. Но Боря будто бы уговорил переехать к Юлии Нейман ее внуку с мужем и сыном... А потом новое падение: "а теперь вот снова упала и сломала ногу"... Боря сожалеет, что способствовал переезду внучки к бабушке. Юлии с ними плохо, они невнимательны (он употребляет более жесткое определение). Боря кается, я сочувствую и виню себя за письмо. В кибуц ее бы не приняли, но стоило ли писать о квартире? Узнаю, что Юлия Моисеевна давно передала дочери все свои права на жилье, так что продать свою квартиру не может. Чуда не произошло, все было поздно. Юлия Моисеевна очень страдала. Боря продолжал ее навещать. Кажется, в мае 1994 года позвонил и сказал, что Юлия Нейман скончалась. И хотя мучилась она недолго, такой конец был трагичен.

Боря говорил, что они вместе с Юлией слушали мою передачу, и она плакала и была счастлива, что еврейский цикл ее стихов впервые прозвучал в эфире и что произошло это именно в Израиле! Вскоре после ее ухода часть стихотворений была мной опубликована, а потом стихи "разбежались" по многим сборникам и антологиям... Вот и все мое утешение.

И вот ее нет, а голос остался. Она рассказывает о знакомстве и встречах с А. Ахматовой. Скажу откровенно, в устных рассказах Ю. Нейман нового почти ничего нет, со дня ухода Ахматовой о ней написаны тома... Есть милые детали, факты личной биографии Юлии Нейман: познакомилась с Анной Ахматовой при встрече Нового, 1955-го года, в гостях у Марии Петровых. Там же, наутро, читала ей свои стихи. До того дня и А. А. знала Юлию Нейман только как переводчицу. Позднее Юлия снова читала Ахматовой свои стихи, но уже у Ардовых на Ордынке, 17, кв. 13... "Между прочим, Анна Андреевна хорошо принимала их (стихи), а они по тем временам были очень дерзкими. И она говорит, что вот у вас нет такой извиняющейся ужимочки, которая есть у очень многих наших современных... После этого стала я там бывать, пока она жила в Москве, и ездила провожать ее до Ленинграда. Между прочим, тогда меня поразило то, что у Пуниных она была не то, чтобы нежеланной, но и не слишком опекаемой гостьей. Насколько она была окружена преклонением в Москве, настолько в Ленинграде не очень о ней заботились... Однажды,водя меня по городу, она сказала: "Вы с гордостью сможете сказать, что вашим гидом была Ахматова"...

Я долго жила под впечатлением горестной вести о смерти Юлии Нейман. В стихотворении, посвященном памяти Марии Петровых, она писала: "На листьях, на небе - тончайший налет Сгоревшей судьбы или просто печали. Готовься в дорогу!.. Вот-вот отплывет Суденышко то, что дрожит на причале. Проводят молчаньем. Не скажет "прости" Вослед тебе сверстник твой, твой себе-

седник: Тебя обогнал он на этом пути, Ведь ты убываешь одна из последних..." Сначала Маруся, потом Арсений (их Арсик), сейчас пришел ее час...

Человек глубокой и всесторонней культуры, близко знавшая многих талантливых людей, Юлия Нейман и сама была Поэтом с большой буквы. Ахматова, даря Юлии Нейман сборник своих стихов, написала в посвящении кратко и выразительно: "Прекрасному переводчику и настоящему поэту". Оценки ее отличались четкостью и бескомпромиссностью, порой весьма нелицеприятной. Заслужить добрый отзыв Ахматовой почитали за честь многие даровитые литераторы. "Настоящему поэту" - означало наивысшую оценку.

Книгу "Причуды памяти", вышедшую при жизни поэта, в 1988 году, тиражом в 7400 экземпляров, быстро раскупили, больше ее книги не издавались. Нужны ли сегодня в России ее стихи, сказать трудно, но факт, что в интернете много подборок и целые страницы в воспоминаниях И. Лиснянской, Б. Сарнова.

И мои заметки - дань памяти и уважения к замечательному Мастеру поэтического слова, никогда не забывавшему о своем кровном родстве со своим народом. Всю жизнь уколы памяти: "Но в разговорах чайных за столом Нет-нет да погромыхивал погром..." И не скрывала, что в ней "горьмя-горит Восток настырной мыслью и тоской". Кто понимал - понимал.

О смысле поэтического творчества Юлия Нейман скажет: "Стихи пыhtят, стараются С людьми вступить в родство И соком наливаются Из сердца твоего. Удобрены, ухожены В дожди и недород... А вдруг да станут гожими Кому-то в трудный год?!" Робкая надежда, что то колечко отыщется. В другой раз изобразит пасторальный пейзаж: жаркое поле с подсолнухами. И, о чудо, отражаясь в лице девушки, цветут в ее глазах, и вдруг весь этот день обретает невыразимый смысл и дает ключ к вдохновению, мажорному осмыслению бытия: "Что, если в детстве музыка звучала, То ей по смерти в тебе не отзвучать, Что, если нужно жизнь начать сначала, То все же стоит сызнова начать"...

Мне приятно сказать, что многие тексты Юлии Нейман, а переводы уж точно, положены на музыку и их исполняют и чтецы, и вокалисты, и ансамбли. Вы знали, что Муслим Магомаев пел текст романа Давида Кугультинова "Что ж, если вы грустите о другом"? А Вахтанг Кикабидзе и многие другие за ним исполняют отрывки из поэмы Расула Гамзатова "Берегите матерей"? Что на фоне букета бело-сиреневых лилий под музыку идет в Ю-тьюбе перевод стихотворения "Безымянный подарок", который она сделала для Зульфии Израиловой?

И как чудесно в исполнении группы "Цветотень" звучит "Безумие" Райнера Марии Рильке в Вашем, Юлия, переводе. Ваши тексты стали "гожими"! А негоже, господа, что часто в студии или со сцены вы забываете назвать автора текста. Маруся и Арсик сказали бы: "Вот ты, Юлька, и стала народной! Спасибо Вам, Юлия, за талант и мужество жить!"

Памятник на могиле Ю. Нейман

С КРОВАВЫХ НЕ ВЕРНУВШИЙСЯ ПОЛЕЙ

Война, какой бы долгой и тяжелой ни была, заканчивается, а поэзия вечна. Каждый раз в июне, отмечая годовщины начала Великой Отечественной, мы вспоминаем литераторов, ушедших на фронт и героически погибших в смертельной схватке с фашизмом. Было среди них и немало еврейских поэтов. Один из них - Моисей (Моше) Хашеватский.

На свет он появился в 1897 г. в селе Буки близ местечка Жашков на Украина. Отец его преподавал в Талмуд-торе, и традиционное начальное образование Моше получил в хедере, а в 1916 г. окончил коммерческое училище в Умани. Поступил учиться в Екатеринбургский университет, в судьбоносном для России 1917 г. переехал в Петроград, где продолжил учебу в университете, но в 1918-м вернулся на Украину, работал библиотекарем.

У Моше рано пробудились способности к поэтическому творчеству. Первое стихотворение Хашеватского на языке идиш было опубликовано в киевской еврейской газете "Ди найе цайт". В 1921 г. в Киеве, где поселился поэт, вышел первый сборник его стихотворений "Доршт" ("Жажда").

В 1924 г. сборник стихов Хашеватского "Харте вор" ("Суровая правда") вышел в свет в Москве. С той поры стихотворения, баллады, поэмы Хашеватского регулярно публиковались в еврейских периодических изданиях Киева, Харькова, Москвы, Минска. Одновременно этот автор занимался переводами на идиш произведений классической русской, украинской, немецкой поэзии, писал сказки и стихи для детей. В Вильно в 1926 г. был издан томик избранных произведений М.Ю.Лермонтова в переводе Хашеватского. Воспользовавшись русскими переводами, Хашеватский ознакомил носителей идиш-культуры с творчеством Т.Шевченко, Г.Гейне, Дж.Г.Байрона и Ш. Руставели. В 1930 г. в Москве появился сборник поэтических произведений Хашеватского, адресованных юным читателям - "Майселех ун лидер" ("Сказки и стихи").

В последующие годы продолжали издаваться книги его стихотворений, преимущественно на общественно-политические темы: "Рапортн" ("Рапорты", Харьков, 1931), "Лецте шлахт" ("Последний бой", М., 1932). В 1935 году вышел второй сборник стихотворений Хашеватского для детей "Унзер лагерь" ("Наш лагерь", М.), в том же году - книга стихотворений "Хант бай хант" ("Рука об руку", Харьков), в 1936-м - поэма "А майсе вегн а патлатн ят ун зайн хелдишн тат" ("История о лохматом мальчике и его подвиге", М., 1936). Критики отмечали искренность и исповедальный характер лирики Хашеватского. Его творчество, в отличие от признанных образцов совет-

ской еврейской литературы, к примеру, поэм П.Маркиша, было лишено пафоса, тяготело к реалиям жизни, без романтического напряжения и героической позы.

В 1930-е годы Хашеватский обратился к драматургии, написав пьесы "Тайге" ("Тайга", 1936), "Ин камф" ("В борьбе"; совместно с М.Пинчевским), "Халоймес" ("Мечты", 1939 - пьеса о Шалом-Алейхеме). Хашеватский также выступил автором литературоведческих работ: "Ошер Шварцман" (Киев, 1939), "Идише фолксlieder" ("Еврейские народные песни", совместно с Дер Нистером, Одесса, 1940), книги очерков "А райзе кейн Биробиджан" ("Путешествие в Биробиджан", Киев, 1937) и других.

В 1943 году Хашеватского призвали в Красную армию. В том же году он погиб на фронте, а в Москве вышли его последние книги: поэма "Хаим Дискин" и сборник стихотворений "Фун амол ун хайнт" ("Прежде и теперь").

Из поэтического наследия Моисея (Моше) Хашеватского. Переводы с идиш Ю.Нейман

В час, когда тускнеет блеск заката,
В час, когда сгущается туман,
Город, уподобившись фрегату,
Тихо отплывает в океан.
Трапы убирают. Снято время
Мелочей с измученной груди.
Палуба качнулась... Время! Время!
Берег остается позади.
Ветер странствий
расправляет крылья.
Запах соли, брызги и туман...
Город - купола его и шпили -
Тихо уплывает в океан.

Э.Фининбергу

Отпелились вино и смех.
Остыл веселья след.
На белый подоконник лег
полночный сонный свет.

Все разошлись,
и опустел многоэтажный дом,
И только горсточка гостей
осталась в доме том.

Огромный город задремал,
лежит, едва дыша.
Бульжника на мостовой
ничей не будит шаг,

А мы не спим,
а мы сидим - напряжены, тихи;
И жадно слушаем:
поэт читает нам стихи.

И голос трепетный его
вот-вот готов запеть.
Он из сердечной глубины
вытягивает сеть,

И в ней - сверкающий улов чудес,
и, может быть,
К великой тайне нас, друзей,
он хочет приобщить.

Мы все - поэты,
и для нас слова пьяней вина.
Благодарит его за всех
лишь женщина одна,

А мы молчим, а мы летим
в мечтах стихам вослед...
На белый подоконник лег
чуть розоватый свет.

Но тишина - среди площадей,
окошек темен ряд...
Не спит лишь горсточка людей...
Поэты лишь не спят.

Синяя птица

Синей птицы, чудо-птицы
Широко взмахнули крылья.
Сердце, глаз моих зеницы
Вслед - одним движеньем - взмыли.
Сине-искристое пламя
Птица в грудь мою плеснула
И, легко взмахнув крылами,
В синем небе потонула.
Долго будет в сердце длиться,
Точно в зеркале, круженье:
Синей птицы, чудо-птицы
Голубое отраженье.

"Прогулки одинокие свои..."

Прогулки одинокие свои
По городу я не свершаю боле:
Бывало, я бродил средь толчеи,
Теперь я ухожу в просторы поля.

И все ж загадки мне не разгадать,
Хоть голову ломаю я над нею:
Зачем, под старость лет, меня опять
Так тянет к людям?.. Тянет все сильнее

К веселью, к резвым играм молодых,
К нехитрым шуткам их -
на каждый случай...

Манит меня живая радость их,
Пьянит волнение крови их кипучей...

И пусть я в одиночестве брожу,
Но про себя - все ревностней, все строже
-
Ищу, теряю, снова нахожу
Путь к человеку, путь,
что мне всего дороже.

Моя муза

Ты - переводчица теперь, ты - работяга,
О, муза милая! Забывшись в уголочек,
Бессменно ты - со мной.
Но льются на бумагу
Не песни и стихи -
столбцы газетных строчек.

Едва за труд возьмусь,
и ты со мною сядешь.
Дыхание твое я за спиной слышу,
И чувствую, как ты
по-матерински гладишь
Мне щеки, волосы -
все ласковой, все тише...

Когда ж мы устаем от цифр
и рассуждений,
По-женски - не себя, а лишь меня жалея, -
Ты клонишься ко мне,
подобно легкой тени,
И шепчешь мне "люблю",
обняв меня за шею.

Ты прикрываешь мне глаза рукою гибкой,
И все вокруг тотчас
меняет свой порядок,
Столбцы газетных строк,
переливаясь зыбко,
Змеются и дрожат цветами
пестрых радуг.

И оживают вдруг слова передовицы,
И запыленные снимают одеянья.
Я слышу голоса... Родные вижу лица
Людей - кого я знал когда-то
ранней ранью.

Приходят женщины, прекрасные собою,
Чредою девушки плывут
ко мне навстречу,
И дети малые, смеясь, бегут гурьбою,
Звучат, как ручейки,
различные наречья...

Как много языков
в стране моей просторной!..
Не сосчитать племен,
не смерить расстояний!
Но люди - все как есть! -
работают упорно:
Рабочие - в цехах,
и на полях - крестьяне...
И снова на душе - светло, спокойно, ясно,
Усталости моей - как будто не бывало.
Опять перо и мысль
работают согласно,

И тесно на листке
от частых строчек стало.
Затем, что труд - есть труд.
И если даже узы
Накладывает он,
то лишь тебе во благо...
Благодарю за все! За все спасибо, муза.